

Елена Владимировна АНДРИАНОВА¹
Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО²
Юлия ХУДЯКОВА³

УДК 336.2

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ (ФЕРМЕРСКИХ) ХОЗЯЙСТВ*

¹ кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Тюмень) e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

³ магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет y.khudyakova@utmn.ru

Аннотация

Работа посвящена изучению конструирующей природы институтов в пространстве сельских территорий в контексте социальных противоречий, часто принимающих парадоксальные форматы. Методологически статья выполнена в традициях современной критической институциональной экономики и институциональной социологии. Представлены авторские результаты анализа статистических данных открытых источников в рамках предложенной проблематики за последние 20 лет. Охарактеризованы три

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 по теме «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Цитирование: Андрианова Е. В. Парадоксы современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Ю. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 51-101.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

основные исторические этапы институциональной динамики в сельском хозяйстве, главный из которых включал введение и институционализацию частной собственности на землю, фактически возвращая Россию в число глобальных игроков на сельскохозяйственном рынке. Представлены данные по модернизации сельского хозяйства в результате институциональных изменений «сверху» и институциональных взаимных обязательств на селе «снизу». Сделан вывод об увеличении земельных активов, росте совокупных доходов собственников земли. Представлены количественные показатели развития мелких и средних крестьянских (фермерских) хозяйств и крупных землевладений в России (агрохолдингов) по данным различной отчетности. Выявлены социально-экономические противоречия, указывающие особенно на парадоксальность развития сельских территорий России. Представлен зарубежный опыт ведения современного сельского бизнеса, который можно оценить как варианты возможного российского будущего. Сделаны выводы о том, что российская институциональная динамика на селе демонстрирует ряд позитивных изменений, создавших базу существования и дальнейшего развития страны за короткий по историческим меркам период. В статье выдвигается пять гипотез относительно институционального развития сельских территорий, часть из которых практически верифицирована. Доказано, что в настоящее время в России действительно преодолены риски и опасности количественного и качественного дефицита продовольствия и сформированы достаточно мощные социально-классовые группы землевладельцев, которые коренным образом заинтересованы в качественном воспроизводстве сельских территорий, несмотря на углубляющиеся процессы бедности, чем и отмечается парадоксальность институциональной динамики. Вместе с тем появились основания предположить, что применение концепта глобальной нестабильности (включая в него детерминанты пандемии COVID-19 и «специальной военной операции в Украине» после 24 февраля 2022 г.) говорит о новом парадоксе, связанном с трагичностью будущего сельского хозяйства в России, реальным результатом которого может быть эволюционный кризис цивилизации, исходя из парадигмы «сворачивающейся цивилизации» Аркадия и Бориса Стругацких, смысл которой состоит в том, что изучаемая цивилизация остается беззащитной перед «Повелителями Дураков».

Ключевые слова

Крестьянские (фермерские) хозяйства, агрохолдинги, парадоксы развития, парадоксы жизни крестьян, государственная поддержка, институциональное развитие.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

«Дорога к истине вымощена парадоксами. Чтобы постигнуть действительность, надо видеть, как она балансирует на канате»
Оскар Уайльд. *Афоризмы. Забота об истине*, 1895. С. 14.

Введение

Актуальность исследования обусловлена кардинальными институциональными изменениями в сельском хозяйстве России в 2001-2021 гг. В российском

дискурсе сохраняется спорное понимание социальной справедливости происходящих изменений. Многие россияне хорошо помнят 1990-е гг.: пустые полки в продовольственных магазинах, талоны на целый ряд товаров, в том числе на продовольствие, длинные очереди. По признанию представителей власти, в начале 1990-х гг. страна стояла на пороге голода. Россия на протяжении большей части XX в. подвергла себя одному из самых трагических социальных экспериментов, когда была упразднена частная собственность на землю, «власть рабочих и крестьян» в итоге превратилась в диктатуру коммунистической партии, а частное хозяйствование стало запретным. И только к концу XX столетия запущен обратный транзит России на путь развития частной собственности, в том числе и в сельском хозяйстве. С 1990-х прошло 30 лет непрерывных трансформаций, которые обсуждались на самых разных уровнях власти и в разных форматах. Однако полного понимания и согласия по поводу того, как отразились на развитии сельских территорий институциональные преобразования последних десятилетий, до сих пор так и не достигнуто.

Научная проблема, решению которой посвящена статья, сопряжена с теми противоречиями, которые встроены в современное институциональное развитие сельских территорий в России в целом, крупных агрохолдингов и агропроизводств, мелких крестьянских (фермерских) хозяйств в частности. *Методологическая, теоретическая и практическая* актуальность статьи объясняется тем, что авторы представляют читателям оригинальную концепцию анализа проблематики новых форматов жизни, производства и воспроизводства сельских территорий с учетом социально-экономических противоречий и очевидных парадоксов, которые постепенно накапливались на протяжении последних двадцати лет.

Цели статьи — комплексное социально-экономическое исследование форм развития сельских территорий и их институциональной динамики на основе данных Росстата (микрорепериси), Росреестра фондов земли и авторских социологических исследований. К целям данной работы отнесено также изучение конструирующей природы институтов в пространстве сельских территорий. Под институциональной динамикой понимаются реальные результаты действия механизмов регулирования рынка в средне- и долгосрочном периодах. Согласно концепции институциональной теории, в механизмы регулирования (управления) включаются базовые изменения формальных институтов и их неформальных составляющих.

Задачи, которые ставятся и решаются авторами в этой статье, состоят в выявлении, идентификации и репрезентации противоречий и «парадоксов» современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств и многих сельских территорий. В задачи статьи входило также изучение противоречивой проблематики, проникновение в суть и смыслы социально-экономических процессов и событий, происходящих на селе как в России, так и в других странах мира, установление значений, содержаний, социальных контекстов и реальных векторов их движения — развития или упадка (деградации).

Логика изложения, принятая в данной статье, состоит в том, что авторы разрабатывают собственные методологические и теоретические позиции на базе переосмысления и репрезентации современной научной литературы по теме исследования, предлагают аналитический категориально-понятийный аппарат, преследующий максимально полное раскрытие смыслов, значений и содержаний представленной темы, вовлекают в научный оборот современные российские эмпирические данные, включая такие, которые, на первый взгляд, противоречат друг другу и, как правило, носят парадоксальный характер, тем самым привлекая к себе особое внимание коллег и представителей научно-педагогической общественности.

Вклады авторов обозначаются в пунктах *новизны* статьи, которая представляется и обосновывается на базе анализе российских и зарубежных данных развития сельских территорий, в сравнении образа «настоящего» и образа «будущего» в России, в реальных результатах развития фермерских хозяйств в западных странах, раскрывающих конструктивные современные институциональные форматы взаимодействия местных фермеров как со своим «роботизированным настоящим», так и «роботизированным будущим», что выражается в применении новых социально-экономических способов, с помощью которых сельские производители повышают свою способность осмысленно взаимодействовать с новыми технологиями и, как следствие, продуктивность своей работы.

Гипотезы

(1) В России за последние двадцать лет, независимо от поколенческих траекторий, качества и продолжительности воспроизводства жизненных процессов жителей российских сел, наблюдается резкая и всё более усиливающаяся социально-экономическая дифференциация, которая наиболее отчетливо вырисовывается при сравнении жизненных шансов и практик сельского и городского населения. Упадок сельской России репрезентируется в значимых феноменах «рурализации бедности», распада социальных сетей взаимной поддержки, территории обитания сел и деревень представляются как зоны упадка и порой отчаяния. Этот тезис выражается в тех широких жизненных пейзажах, когда представители всех ветвей сельской власти, предприниматели и труженики сельской местности сталкиваются с одними и теми же социально-экономическими и политическими проблемами: общей атмосферой недоверия (за исключением нередких случаев сплочения по семейным и религиозным признакам), устоявшимися «негативными картинками» региональной жизни, сопряженными с сильным разрушением крестьянских традиций и навыков реального кооперирования, хронической безработицей, кадровым голодом, запустением, пьянством, всё более разрушающейся производственной и экономической инфраструктурой, дорогими кредитами, вкуче со строгий отчетностью, жестким налоговым прессингом, заброшенными полями, несмотря на активно пропагандируемую и по своей сути декларативную государственную поддержку, а в целом — со всё усиливающейся деградацией социальной структуры сельской территории. Поскольку российская деревня,

несмотря ни на что, окончательно еще не погибла, то всё это можно считать «парадоксами» сельского воспроизводства. Вместе с тем становится заметно, что всё более сильными и значимыми детерминантами процессов сельского развития, судя по взвешенным оценкам экспертов и ученых, становятся культурно-исторические и рекреационные факторы, а не только новые вложения в собственно сельскохозяйственное производство.

(2) Дальновидные муниципалитеты (как в России, так и в других странах мира) для привлечения и развития человеческого капитала в сельской местности делают ставку на всё более интенсивное развитие как институтов, так и культуры («культура, которую мы все вместе сбережём, не даст погибнуть последующим поколениям» [11, с. 15]).

(3) Если опираться на новые подходы институционального анализа в предметных областях экономики и социологии сельского хозяйства, на изучение статистических и социологических данных развития сельского хозяйства и сельских территорий России в современных контекстах, то можно сделать акцент на поведенческих характеристиках экономических акторов и на понимании мотиваций и стимулов по созданию новых и разрушению старых институтов.

(4) Рассматривая перспективы современных институциональных процессов, можно предположить, что в динамике за последние 30 лет анализа институциональных трансформаций российского села неоправданно часто делается акцент на дихотомии «рынок побеждает, а село вымирает».

(5) Выдвигается предположение, что можно использовать метод противопоставления рыночной и территориальной логик развития, при этом более полное понимание специфики и перспектив развития сельских территорий в стране, которая занимает одну шестую часть суши, невозможно без погружения в более общий институциональный контекст.

Обзор литературы

Говоря об институтах и развитии современного институционального подхода, следует отметить, что существует достаточно давняя традиция предтеч в определении институтов у классиков социологии и экономики. По К. Марксу, институты есть исторически сложившиеся, обусловленные производственными отношениями и способом производства формы организации труда, способы регулирования социально-экономической деятельности [22]. Если обратиться к наследию социолога мирового уровня, создателю современной теоретической социологии Т. Парсонса, то термин «институт» в его версии — это организованная система культурных представлений и социальных норм, общих для индивидов, понята в контексте структурного функционализма. С аналитической точки зрения это четырехимперативная парадигма AGIL (Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency) как инвариантный набор четырех функций, необходимых для всех социальных систем: адаптации (A), целедостижения (G), интеграции (I), латентности, поддержания ценностного образца (L), характерных для любого сообщества. Данная парадигма применяется для анализа социальной системы как целого, ее подсистем, а также

социальных действий [34]. В качестве институциональных структур Т. Парсонс рассматривал любые устойчивые образцы как такие паттерны (patterns) деятельности людей через конструктивные вклады каждого компонента, что означало функциональную выгодность данного элемента системы, обеспечивавшей воспроизводство социального порядка в контексте функциональной полезности социальной структуры. Институциональные системы им рассматривались также как устойчивые комплексы правил, норм, установок (аттитюдов), регулирующих человеческое поведение и преобразующих его в систему ролей и статусов. Функциональность как полезность для социальной системы каких-либо действий обуславливает их закрепление в качестве институциональных элементов, то есть превращение в паттерн — образец.

Как основоположник институционального направления, Т. Веблен под институтом понимал обычай и порядок, принятые в обществе, и их закрепление в виде закона или правила. В основе его теории институтов лежала идея кумулятивного социального процесса, траектории которых складываются поэтапно и закрепляются [4].

У. Митчелль (известный как «звездный ученик Т. Веблена») дал собственную дефиницию институтам как общественным привычкам, господствующим и в высшей степени стандартизированным в данном сообществе, основываясь на предположении, что главный фактор экономического развития заключается в психологии людей, в их традициях и обычаях; суть развития человеческих сообществ сводилась им к совершенствованию коллективных связей между их членами как институциональными образованиями [23]. Дж. Коммонс, как третий основатель американского институционализма и автор первого в мире учебника по институциональной экономике, предложил понимать институты как «транзакции» (переговоры, принятие обязательств и их выполнение) и коллективные действия как «группы давления», но исключительно в правовых рамках [18]. Ф. Найт, как тонкий разработчик теории предпринимательства, неопределенности и прибыли, в парадигме институтов выдвинул достаточно четкие формулировки как такие сборки правил и норм, которые регулируют социальные отношения особым образом в формах явного и неявного видов знания, которыми должны обладать все вне исключения участники конкретного сообщества [24].

Д. Норт, как лидер новой институциональной экономики, изучая институты в историческом разрезе, толковал их как такие правила и механизмы, которые обеспечивают выполнение обязательств средствами опосредующих функций регулирования повторяющихся взаимодействий между людьми, тем самым вводя в анализ временную перспективу, переходя от теории одноразовых и полных контрактов к изучению неполных контрактов (incomplete contracts), которые четко предполагали определенную длительность во времени — «отношенческую контрактацию» (relational contracting). Согласно Д. Норту, правила и нормы, структурирующие повторяющиеся взаимодействия между людьми, составляют концептуальную основу изучаемой дефиниции. Он впервые ввел в научный оборот ставший позже популярным афоризм, что институты — это такие «правила

игры» людей, которые могут противопоставляться даже целым организациям как другим «игрокам». Уделив особое внимание анализу трансакционных издержек, правам собственности и контрактным агентским отношениям, Д. Норт доказал на основе методов микроэкономики, что неэффективные институты всегда имеют высокие трансакционные издержки на политических рынках, где происходит как итоговый выбор ключевых «правил игры», так и их закрепление в формальных институтах, показал, что неэффективные формы экономики существовали тысячелетиями, и дал свои ответы, почему это происходило [29-31].

Р. Нельсон и С. Уинтер продвинулись еще дальше в изучении исследуемой нами проблемы и пришли к пониманию, что институт есть привычный образ мышления, поддерживаемый обществом или отдельными индивидами, который сложился из опыта исторического развития, а ключевой фактор институциональной динамики — это смена технологий в условиях развития политических рынков [25]. В свою очередь, выдающийся институционалист Оливер Уильямсон обнаружил, что в крупных холдингах и корпорациях из-за разделения собственности и управления менеджмент любых уровней всегда стремится максимизировать собственную полезность, в результате чего страдает «общее благо». Для искоренения этой аномалии он предложил дискреционную модель управления, которая предполагает, что менеджеры должны всегда формировать внутреннюю корпоративную политику, которая максимизирует полезность акционеров, и тогда должно создаваться более высокое «общее благо» фирмы, предоставляющее, в теории, более высокие доходы. О. Уильямсон показал, что в фирмах, холдингах и корпорациях необходимо учитывать издержки по обслуживанию сделок на рынках и, что особенно важно, эффективно использовать специфические активы [40].

Среди российских выдающихся ученых-институционалистов следует отметить имена Т. И. Заславской как основателя Новосибирской экономико-социологической школы, которая институты определяла как «устойчивые комплексы формальных и неформальных правил, принципов, социальных норм и установок, регулирующих разные сферы человеческой деятельности». Причем к «институциональным изменениям» приводят реальные результаты согласованных действий акторов макро-, мезо- и микроуровней в различные периоды времени [12, 13].

У В. В. Радаева институты — это формальные и неформальные правила, которые регулируют практики повседневной деятельности и которые поддерживаются этими практиками; «институциональная динамика» включает процессы возникновения и отбора институтов, их подстройку как диалектику формализации и деформализации правил [35, 36].

В свою очередь, основным научным результатом работ С. Г. Кирдиной-Чэндлер в рассматриваемых социальных контекстах является теория институциональных матриц, X-Y-теория, предполагающая оригинальную конструкцию воспроизводства институциональной структуры на основе матричного принципа, посредством взаимодействия ключевых параметров двух матриц базовых институтов. Основное положение X-Y-теории состоит в том, что в любой стране мира

X-матрица постоянно доминирует на протяжении истории, а Y-матрица является комплементарной и детерминируется типом материально-технологической среды. Согласно теории и практикам, ключевые особенности «институциональной динамики» воспроизводятся на основе X-Y-матричного социального взаимодействия, теория X-Y-постоянно проходит эмпирическую проверку как на основе исторического материала, так и на базе компаративистских исследований с применением методов data mining. Если институты X-матрицы доминируют в России, Азии и Латинской Америке, то институты Y-матрицы превалирует в странах Европы, Северной Америки и Австралии. Разработанная С. Г. Кирдиной-Чэндлер X-Y-теория послужила обоснованием для качественных прогнозов институциональной динамики российского общества [15], постоянно подтверждающихся на практике [16, 17].

Представленные нами институциональные теоретические подходы и практические наработки приобретают очень ценные контексты при изучении паттернов экономического поведения представителей власти и менеджмента как для крупных аграрных производств, так и для мелких и средних КФХ, но со своей спецификой. Согласно обзору литературы, по изучаемой дефиниции нужно сделать следующие выводы: «институты» — это формальные и неформальные «правила игры», которые регулируют практики повседневной деятельности; к «институциональным изменениям» приводят социальные процессы и результаты согласованных действий акторов макро-, мезо- и микроуровней; наконец, «действующие институты» — это «реальные правила игры» и работа по контролю за их соблюдением. Учитывая разнообразие трактовок институтов, мы выдаем авторские теоретические определения исходным дефинициям, опираясь на предложенные выше контексты, с тем чтобы использовать их при анализе данных. Институциональная динамика определяется авторами статьи как реальные результаты работы механизмов политического рынка, включая базовые изменения формальных институтов и их неформальных составляющих, и особенно в условиях принуждения к их использованию достаточно жесткими воздействиями ведущих акторов вертикалей власти. Делая предварительные выводы по обзору литературы, следует подчеркнуть, что в настоящее время производство и потребление сельскохозяйственной продукции рассматриваются в новых контекстах. А именно в качестве институционально оформленной социально-экономической и психологически самоопределяющейся практики, которая продвигается как агрофирмами (агрохолдингами, агрокорпорациями, мелкими и средними КФХ), так и правительствами.

Теория обладает существенными преимуществами перед «простым набором фактов» потому, что позволяет делать такие обобщения, которые могут касаться новых событий, а также по-новому проливать свет на прошлые, с учетом изменяющихся контекстов, принимая во внимание социально-контекстные детерминанты. Хорошая теория объясняет — она задает смысл явлениям и позволяет понять опосредующие процессы, которые оказываются критическими в рамках совершенствующих практик и оптимизирующих управленческих вмешательств.

Эти соображения являются для нас «путеводной нитью Ариадны», ориентиром, помогающим соотносить факты трансформации сельского хозяйства России за постсоветский период с авторскими подходами для конструктивного теоретического обобщения.

В качестве *теоретической гипотезы* мы выдвигаем предположение о том, что крестьянские (фермерские) хозяйства на условиях взаимовыгодной кооперации могли бы стать если не конкурентами, то серьезными партнерами крупных агрохолдингов по производству сельскохозяйственной продукции, несмотря на интенсивные процессы централизации и холдингизации агропромышленной отрасли, неполной их легитимизации, недостаточной прозрачности государственной поддержки крупных агрохолдингов, что создает серьезные препятствия для формирования конкурентоспособного сегмента малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве. Прошедшие изменения обобщаются в рамках теории институтов и институционального анализа и названы «институциональной динамикой». Исследования авторов в данной статье продолжают традиции теорий институциональной социологии и критической институциональной экономики. В контекстуальных рамках предложенных научных направлений предлагается анализ конвенций, норм, правил, практик, положений, которые обычно используются для координации социального взаимодействия [59, с. 218]. Авторы этой статьи исходят из предположения, что институты — это не только «правила игры» (формальные и неформальные) и «социальные нормы», но и символические системы, и когнитивные сценарии, и неформальные классификации, которые делают возможными действия акторов, придают смысл и значение любой конкретной ситуации. Институты обеспечивают ожидания, стабильность и жизненные цели, необходимые для человеческого существования и четкой координации деятельности; поддерживают определенные ценности, создают и защищают общие и особые интересы [60, с. 29].

В *нормативном аспекте* теории институтов внимание уделяется тому, что следует делать или как это сделать правильно, исходя из выбираемой «логики уместности» (logic of relevance), поскольку человеческие действия обычно управляются правилами надлежащего или образцового поведения. Правила соблюдаются, потому что они считаются естественными, законными и ожидаемыми. Акторы стремятся выполнять обязательства, заключенные в своей роли, идентичности, членстве в сообществе или группе. Будучи встроенными в социальную совокупность, они делают то, что считают нужным для себя в конкретной ситуации [51-53]. В этом плане социологическая школа изучения институтов представляет собой дальнейшее развитие идей Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона, которые подчеркивали нормативное измерение институтов исходя из того, что фундаментальными механизмами формирования поведения индивида и группы становятся идентификация и привыкание. Процессы их социализации осуществляются в соответствии с социально-культурно определенными целями, которых группы и индивиды стремятся достичь. В рамках социологической теории Р. Мертоном были введены в научный оборот дефиниции: институциональные

требования (institutional requirements), институциональные процедуры (institutional procedures), деинституционализация (de-institutionalization), институционализованные средства (institutionalized means) [54, с. 177-204]. Им отмечено, что уровень мотивационного анализа (motivational analysis) часто ошибочно принимается за уровень институционального анализа (institutional analysis) [54, с. 587]. Подчеркнем, что современная «теория самодетерминации (самоопределения)» (self-determination theory) различает типы мотивации в континууме от контролируемых до автономных переменных и понимает социальные институты как самую мощную систему воздействия на людей, поскольку они мотивируют с точки зрения самых широких социологических, экономических и исторических систем. Вместе с тем вводимая в научный оборот теория удовлетворения базовых потребностей (basic needs satisfaction theory) обеспечивает концептуальный «мост» между психологией, мотивацией и институтами [55, с. 101]. Хотя современная «теория самодетерминации (самоопределения)» является по своей сущности психологической, тем не менее эта теория непременно учитывает принципы социального действия и поведенческого функционирования и степень более или менее широкой реализации человеческих способностей и талантов, существующие фундаментальные зависимости групп и индивидов от внешних социальных обстоятельств, давления институтов, принуждающих их осуществлять рефлексивный контроль своей деятельности [55, с. 3].

Оригинальную теорию институционализации разработал социолог Э. Гидденс, который основной упор своей теории сделал и на институтах, и на структуре, обеспечивая между ними концептуальный мост «дуальности структуры» (duality of structure) посредством «двойной герменевтики» (double hermeneutics). Это означает, что любые социальные практики имеют структурный и поведенческий компоненты, опосредующим звеном между ними выступает организация институциональных процессов, когда создаваемая акторами структурная среда одновременно и сдерживает (ограничивает) поведение групп и индивидов, и делает их возможным и конструктивным, что выявляется по конкретным признакам [48].

Более сильную теорию, связанную с различием трех ключевых компонентов — регулятивного, нормативного и культурно-когнитивного, сформулировал Р. Скотт, в работах которого рассматривалась идея учета различного восприятия институтов, связанного с пониманием всех контекстов. Им были разработаны дефиниции институциональной логики, проведена идентификация институциональных носителей, сделан акцент на сложности анализа иерархических уровней и изучены более детально, чем у Р. Мертона, процессы институционализации и деинституционализации [58].

Поведенческий аспект раскрывается нами через изучение реальных практик представителей агробизнеса, крестьянско-фермерских хозяйств, власти и управления на сельских территориях России. Опираясь на ценные выводы П. А. Холла и Р. С. Тейлора о трех видах институционализма (исторического, социологического и организационного) [49], были выделены ключевые моменты

институциональной организации фирм и государственного устройства. Авторы этой статьи, как последователи теории рационального выбора, извлекают надлежащие аналитические инструменты из «новой экономики организации», которая как новое научное направление подчеркивает важность прав собственности, поиска ренты и трансакционных издержек. Понимание этих ключевых компонентов особенно важно для понимания развития институтов. Государство рассматривается как комплекс институтов, которые в силу своей доминанции способны структурировать и характер, и результаты любых групповых конфликтов. Представленные идеи и подходы теории институтов, понятий и положения близких теоретических школ позволяют, по мнению авторов статьи, достаточно адекватно в научном плане изучать социальные, экономические и политические компоненты институциональной парадигмы; исследовать алгоритмы и структурировать взаимодействия ключевых институциональных акторов таким образом, чтобы иметь возможность генерировать на макро-, мезо- и микроуровнях настоящее положение дел, как и будущие национальные траектории развития страны, и показывать отличительные признаки институциональной динамики сельских территорий России и других стран мира достаточно выразительным научным способом. Институциональная теория опирается на базовые принципы своей концепции предпосылочных универсалий (universals) в социальных (social), экономических (economic), менеджеральных (managerial), психологических (psychological) и культурных (cultural) контекстах, она практична (practical), критична (critical) и позволяет выявить существенные особенности объекта нашего исследования (object of research) — развития сельских территорий.

Материалы и методология

Методология анализа в статье сопряжена с феноменом «парадокса» (paradox), чем и обусловлено ее название. Как общеупотребимый термин дефиниция парадокса зародилось в древнегреческой философии (*παράδοξος* — «неожиданный; странный», от *παρα* — «против, вопреки»; *δόξα* — «мнение; представление; предположение») для обозначения неожиданного, нового, необычного, оригинального утверждения, которое кажется противоречащим здравому смыслу и абсурдным. «Парадоксы» как *απορίαι* изначально трактовалась как такие, которые несли в себе аргументы, противоречащие очевидному, общепринятому мнению, и казались нелогичными и противоречащими здравому смыслу. «Парадоксы» как *антиномии* отличались наличием одинаково доказуемых, противоречащих друг другу суждений [42, с. 477-478]. Антиномия — наиболее резкая форма парадокса. Например, если утверждение на лицевой стороне истинно, значит, утверждение на обороте должно быть ложным. В современной науке дефиниция парадокса изучается с позиций философии (логики), лингвистики, социологии, других гуманитарных наук, и трактуется далеко не однозначно. «*Логический парадокс* — это рассуждение либо высказывание, в котором, пользуясь средствами, не выходящими (по видимости) за рамки логики, и посылками, которые кажутся заведомо приемлемыми, приходят к заведомо неприемлемому результату» [28, с. 193].

Обратимся к тематике и методологии собственно *социологических* и *экономических парадоксов*, ключевые идеи которых в достаточно обширной степени представлены во многих научных работах ведущих российских ученых. *Методологические предпосылки* к чисто социологическим парадоксам заложил Ж. Т. Тощенко в своей знаменитой книге «Парадоксальный человек», где он колоритно обозначил смысл этого феномена и отраженного в нем через линзу преломления окружающей нас реальности [39]. Анализируя происшедшие масштабные социальные деформации и называя их термином «метаморфозы», Ж. Т. Тощенко справедливо указывает, что они создали основу, обусловившую появление парадоксальности всех форматов социальной жизни, как «непосредственный индикатор непоследовательности и нестабильности происходящих в России изменений; следствие нарушения ритма и специфики уклада жизни, что достаточно отчетливо фиксируется в сознании людей» [39, с. 45]. Связывая ценности политической элиты с ее духовным и нравственным несовершенством с точки зрения обычной человеческой морали, абсолютизацией личных карьерных и экономических интересов, с оторванностью от народа, неспособностью понять его истинные интересы, Ж. Т. Тощенко обращает внимание на их собственные «особые выгоды». Парадоксальность этих и других современных социальных явлений заключена в том, что сознание населения попало под жесткий прессинг тяжелых информационных потоков центральных телевизионных каналов, в то время как о современном «сумеречном» типе сознания буквально кричат явные противоречия в здравоохранении, образовании, трудовой сфере, где отмечается уменьшение настойчивости в совершенствовании знаний и снижение профессионализма, которые вполне совместимы с упорным желанием получать как можно больше, во что бы то ни стало и не смотря ни на что. Ж. Т. Тощенко считает, что «парадоксы — это в большинстве случаев расходящиеся и даже противоречащие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются, функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей» [39, с. 62]. Опираясь именно на такое их видение, автор говорит о современной мифологии и ее парадоксальности как о «ренессансе мифов, активной ремифологизации человеческого сознания». Ж. Т. Тощенко рельефно описал базовые истоки и предпосылки такой грустной повсеместной ситуации в виде таких основных форматов, как клановость и кастовость многих социальных процессов. По логике автора, феномен «парадоксального человека» есть продукт общества, построенного на социальных парадоксах. Конструктивно верные методологические подходы и точно выстроенные методичные описания того, что определяется сквозным и универсальным термином «парадоксы», служат благородным целям конструирования образов специфического социального универсума современной России, обладающего особыми чертами и характеристиками «онтологической парадоксальности», совмещающей, казалось бы, взаимоисключающие социальные качества и свойства человека.

Финальная часть книги Ж. Т. Тощенко — репрезентация соотношений «добра и зла». Само название и интерпретация этих дефиниций предполагает выход на уровень высоких философских обобщений, содержит в себе потенциал онтологического оптимизма. Вместе с тем надо понимать, что вопрос о том, что первично — добро или зло, — в настоящее время (весна 2022-го г.) склоняет чашу весов, к сожалению, в пользу второго.

Итак, в своем «Парадоксальном человеке» — книге теоретической, методологической, глубокой, серьезной, доказательной, безусловно честной — Ж. Т. Тощенко показал «метаморфозы» общественного сознания, переходы, трансформации и превращения в свою противоположность, включая разные видоизменения и напластования, которые позволяют уловить и точно понять характер происходящих изменений, осмыслить, что за процессы произошли в нашем социальном мире за последние десятилетия. Очень важно подчеркнуть — и это напрямую касается нашей тематики сельских территорий, — что о парадоксальном типе сознания свидетельствует отмечаемое Ж. Т. Тощенко глухое недоверие современных крестьян и жителей сельских территорий к формам и форматам передачи земли в частную собственность и одновременно с этим картина всё сильнее ширящегося аграрного запустения. Недоверие к власти совмещается со вспышками надежд на то, что кто-то придет, и всё образуется («вот придет барин — барин нас рассудит»). Но реальная парадоксальная действительность, как правило, гасит эти надежды.

Одновременно отметим, что многие парадоксы начала аграрной реформы в России в социологическом анализе трансформационных процессов достаточно профессионально отобразила З. Калугина [14], представляющая знаменитую в России и во всём мире Новосибирскую экономико-социологическую научную школу. Т. Нефёдова, российский социальный географ, автор многочисленных высокорейтинговых работ по проблемам социально-экономического развития сельской местности, показала парадоксы трансформации сельского хозяйства России в противоречиях «мифологии и реальности», представила в вариантах переосмысления противоречия и «парадоксальности» популярных мифов сельских территорий о причинах неудач российского сельского хозяйства [26]. *Парадоксы ситуаций* заключались в том, что все всё видели, знали и понимали — но сделать было ничего нельзя в сторону исправления, то есть с обоюдной выгодой для всех заинтересованных сторон.

Тем не менее важно подчеркнуть, что стали внедряться сверху новые форматы институциональных изменений агропромышленного комплекса (АПК) в Российской Федерации. За последние тридцать лет (1991-2022 гг.) в России произошли следующие новые и важные институциональные события: агропромышленная интеграция, деколлективизация, разгосударствление, формирование холдингов, концентрация и централизации земли и всех видов капиталов; связанные с ними различные эффекты трансформации социально-экономических, демографических, территориальных и социокультурных отношений на селе, сопряженные с резким усилением социального неравенства.

В целом аграрная реформа прошла три этапа:

- 1-й этап — принятие Земельного кодекса РСФСР от 25 апреля 1991 г. № 1103-1 (дано формальное право собственности на землю для граждан и объединений);
- 2-й этап — 1993-2000 гг., Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 (начало массовой приватизации земель сельскохозяйственного назначения, реорганизации колхозов и совхозов);
- 3-й этап — 2001-2020 гг., принятие нового Земельного Кодекса РФ 25 октября 2001 г. Собственников, приватизировавших землю, ко времени весны 2020 г. стало более 11 млн человек [7].

Тему институциональных аспектов современных крестьянских (фермерских) хозяйств развивают многие ученые. Среди них нужно отметить работу Т. Максимовой, которая делает акцент на «двояком характере фермерских хозяйств» с позиции институциональной теории, показывая виды и формы их «парадоксальности», выделяет институциональные особенности трансформации с позиции формальных и неформальных институтов. Автор осуществляет сравнительный анализ специфики трансформации различных форм хозяйствования в период между первой и второй всероссийскими сельскохозяйственной переписями и тем самым дает базу анализа для третьей сельскохозяйственной микропереписи, определяя возможные траектории и условия дальнейшего развития фермерских хозяйств в агропромышленном комплексе РФ [21].

Важнейший компонент изучения исследовательских принципов при обнаружении «парадоксов, афоризмов, оговорок, умолчаний, ошибок и даже лжи вольной или невольной наших респондентов» представил А. Никулин [27]. Ссылаясь на афористичное высказывание М. Блока об отношениях, завязывающихся между людьми, взаимовлияниях, искажениях, возникающих в их сознании, — «они-то и составляют для исследования подлинную реальность» [3, с. 115], А. Никулин выявил и обнародовал *саму суть работы принципа парадоксальности в сельской местности* на примере кубанского колхоза: «в холдинг его брать или в асьенду?» [27, с. 41].

Возвращаясь к обсуждению *методологии парадоксов*, отметим, что к настоящему времени среди ведущих социологов России *социологические парадоксы* (в частности, *парадоксы социальной структуры*) тщательно изучены и описаны Л. Гудковым [8, 9]; *парадоксы истории экономических теорий* найдены и объяснены Ю. Латовым, ключевые идеи его подхода предполагали, что они сводились к другим парадоксам — парадоксам диспропорциональности развития экономических теорий; незамечаемых выдающихся экономистов (парадокс звучит так: самые успешные, казалось бы, экономисты XX в. имели в официальной историографии экономических учений статус своего рода «человека-невидимки»). Согласно Ю. Латову, методологическим ключом открытия и объяснения парадоксов развития экономической теории стал тезис об институциональной конкуренции как главном содержании экономической истории в двух аспектах: конкуренция собственно институтов («правил игры»); конкуренция экономических систем,

то есть как комплексов институциональных норм [20]. Подчеркивается, что в выявленных парадоксах кроется отмеченный В. Ойкеном «*принцип интер-депенденции*», примененной к экономической науке, который формулируется с точки зрения различных контекстов, а именно: «как сама экономика зависит от культурной, политической и иных сфер жизни общества, так и экономическая мысль включена в культурный контекст эпохи» [20, с. 44] (можно обозначить как «*парадокс интердепенденции*»). Отметим, что «*принцип интердепенденции*» парадокса во многом соответствует «*принципу экзантиации*», или, в нашей терминологии, «*парадоксу экзантиации*», смысл которого нами раскрыт ниже на конкретном примере эмпирического социологического исследования.

Продолжая тему *парадоксов экономических теорий*, имеет смысл, на наш взгляд, обратить пристальное внимание на статью С. Г. Кирдиной-Чэндлер про парадоксы синтеза в экономической теории. Ее базовая идея состоит в том, что в современном развитии сельских территорий наблюдается достаточно много парадоксальных, неожиданных, странных явлений и занятных ситуаций, которые во многом сами себе противоречат. Это такое явление, которое может существовать в реальности, но не имеет логического объяснения. С. Г. Кирдина-Чэндлер, выявляя типичные парадоксы синтеза в экономической теории, предлагает собственную методологическую конструкцию их объяснения. Ею была обоснована гипотеза о том, что причины парадоксов лежат преимущественно в методологической плоскости, и строгие (и одновременно довольно жесткие) методологические основания экономической ортодоксии, определяющие каждый раз возможность синтеза, являются и определенными ограничениями для его плодотворности. Если в ходе синтеза объяснительные возможности новой теоретической схемы, концепции или направления сохраняют прежние ограничения и недостаточны для разрешения теоретических коллизий в получении адекватных ответов на вызовы практики, то тогда проведенный синтез, по-видимому, не в полной мере смог решить поставленную задачу, и такую ситуацию С. Г. Кирдина-Чэндлер обозначает как парадокс. По ее мнению, парадоксы заключаются в том, что странным образом ряд теоретических проблем, постоянно требовавших своего решения, решен не был. Во-первых, так и не удалось существенно увеличить прогностическую силу неоклассических ортодоксальных теорий. Более того, непредвиденные потрясения, с которыми сталкивается мировая экономика, становятся всё масштабнее и глубже. Во-вторых, несмотря на усложнение и уточнение теоретических моделей экономики в ходе каждого синтеза, они продолжают оставаться довольно абстрактными. Неоклассика сохраняет свой нормативный уклон, и ее продолжают критиковать за то, что она объясняет не развитие реальных экономик, в которых социальные, материальные и природные условия являются значимыми факторами нелинейного и циклического развития, а описывает «стерильный» экономический мир, в котором по-прежнему правят бал оптимальность и принципы максимизации/минимизации.

Как считает С. Г. Кирдина-Чэндлер, изучение возможностей синтеза в гетеродоксальной экономической теории составляет перспективную задачу исследований в том случае, если проанализировать парадоксальную, на ее взгляд, ситуацию,

которая складывается в гетеродоксальной экономике. Парадокс состоит в том, что, несмотря на разнообразие развиваемых гетеродоксами подходов и используемых исследовательских схем, пока не наблюдается тенденции к синтезу между ними, и принципиально важна проверка гипотезы о том, что причины этого также следует искать в методологической плоскости. Но здесь они имеют противоположный, по сравнению с ортодоксией, характер — не жесткость, а, наоборот, неформленность методологического консенсуса, что служит препятствием для результативного синтеза гетеродоксальных экономических концепций. Как заметил, например, профессор Л. Гарикано (Luis Garicano), которому королева Великобритании лично адресовала свой вопрос, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако, с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи» [17, с. 44]. Эти самые «неправильные вещи» и есть тот парадокс непредсказуемости крупнейших экономических потрясений, характерный для современной неоклассической экономической теории.

Для решения этой методологической проблемы С. Г. Кирдина-Чэндлер справедливо указала на то, что в условиях, когда турбулентность, нелинейность, сложность и непредсказуемость экономических процессов становятся постоянными спутниками экономического развития, возрастает неудовлетворенность представлениями «нового неоклассического синтеза» в экономической теории, и предложила собственное методологическое решение «парадокса непредсказуемости» неоклассической экономической теории, стремясь усилить эвристичность абстрактных теоретических моделей. Делая выводы и очерчивая перспективы, С. Г. Кирдина-Чэндлер указала на *опосредующее звено*, позволяющее подойти к возможным решениям описываемого ею «парадокса непредсказуемости», — использование макроэкономических динамических стохастических современных моделей общего равновесия (dynamic stochastic general equilibrium, DSGE-модели). Их параметры основаны на моделировании поведения экономических агентов на микроуровне (в частности, поведение домохозяйств моделируется как решение задачи стохастической динамической оптимизации), предусматривающем также моделирование различных стохастических «шоков» (технологических, монетарных, ценовых и др.). Проявлением «рисков прочности» являются как раз идеологизация неоклассической экономической теории, «зацикленность» теории на микрооснованиях и превалирование оптимизационной математики равновесных моделей. Обращая внимание на «парадоксы синтеза» в экономической ортодоксальной теории, С. Г. Кирдина-Чэндлер развивает концепцию того, что выявление парадоксов, как правило, стимулирует новые исследования, содействует более глубокому осмыслению теории и проверке очевидности ее постулатов [17, с. 48-49].

Подчеркнем, что принципы «парадоксов синтеза» по своей сути универсальны. На этой методологии были глубоко исследованы парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения [37], когда при сравнении данных о работе полиции Федеральной службы охраны (ФСО) и ведомственной

оценки полиции ОВД (данным на основе их внутренних показателей — количества задержанных, раскрываемости преступлений и т. д.) в Челябинской области оказалось на одном из первых мест по ведомственным критериям, но на последнем месте по данным опроса общественного мнения службы ФСО. В версии авторов той статьи, мониторинговые опросы общественного мнения отражают скорее социальную напряженность в регионе, чем отношение к местным ОВД, и выступают в формате системных противоречий «экзаптации» (то есть работы принципа мультифункциональности и эволюции путем смены функций), нередком при импорте институтов, когда в «чужом» институциональном окружении заимствованный институт начинает выполнять не только и не столько те функции, которые изначально планировались, сколько те, о которых при импорте даже и не думали или считали второстепенными. Изложенные результаты опроса в Челябинской области выглядят очень странно, если их трактовать как оценки работы полиции, но вполне реалистично, если их трактовать как оценки социальной напряженности в регионе, которая действительно может резко «прыгать» из года в год [37, с. 54]. Подчеркнем, что системные противоречия «парадокса экзаптации» встречаются достаточно часто в институциональной теории (в частности, выше мы говорили о «*принципе интердепенденции*»); операционализация и верификация «институциональных изменений» в АПК России наиболее подробно рассмотрена в этой статье ниже.

Итак, в качестве предварительного вывода отметим, что в теоретико-методологических исследованиях «парадоксальные принципы», понимаемые как наиболее острые фазы противоречий, отраженные и выраженные в форме лаконичных афоризмов, схватывающих суть вещей (типа «зри в корень») как универсальная дефиниция имеет сквозной характер в самых различных предметных областях и рассматривается как базовый подход в современных институциональных парадигмах, отражаемых во многих соответствующих институциональных практиках на селе (как и в городе), чем и обусловлено авторское название этой статьи.

Данные. В статье используются и большие, и малоизвестные массивы данных, что имеет значение для представления эмпирических исследований. Это исследование основано на изучении статистических данных Росстата и данных государственных реестров, а также многочисленных авторских социологических исследований [1, 10] и соответствующей специальной литературы по тематике.

В таблице 1 представлены данные использования сельскохозяйственных земель (угодий) предприятиями, организациями и гражданами РФ, тыс. га, на основании государственных (национальных) докладов о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2005-2020 гг. На рис. 1 изображены ключевые графики этих данных по таким позициям, как хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, которые имеют существенный рост основных долей земли в соответствующих фондах. Кроме того, для графика 1 мы выделили собственников земельных долей, отражающих реальный рост собственников сельскохозяйственных территорий, а также

положительную динамику личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и отрицательную динамику научно-исследовательских и учебных учреждений (научно-опытные хозяйства), что говорит о постоянном снижении научной составляющей НИОКР в использовании на эти цели сельскохозяйственных земель. Данные таблицы 1 позволяют проанализировать динамику всех 23 компонентов использования сельскохозяйственных земель (угодий) и дать им современную научную оценку. К сожалению, рамки данной статьи не предоставляют для этого возможностей, поэтому читатели могут сами проанализировать соответствующие цифры (учитывая, что в представляемом авторском формате эти данные предложены на суд научной общественности впервые).

Как можно увидеть из представленных в таблице 1 данных, имеем существенный рост использования сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) хозяйственными товариществами и обществами — с 48,9 млн га в 2005 г. до 62,5 млн га в 2020 г.

Указанная тенденция роста использования сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) отражает несомненный рост частной собственности как ресурса в общественном богатстве земли, и эта тенденция отражает рост создаваемого имущества, произведенного хозяйственными товариществами в процессе их деятельности, которое принадлежит им по праву частной собственности, за счет вкладов учредителей и участников.

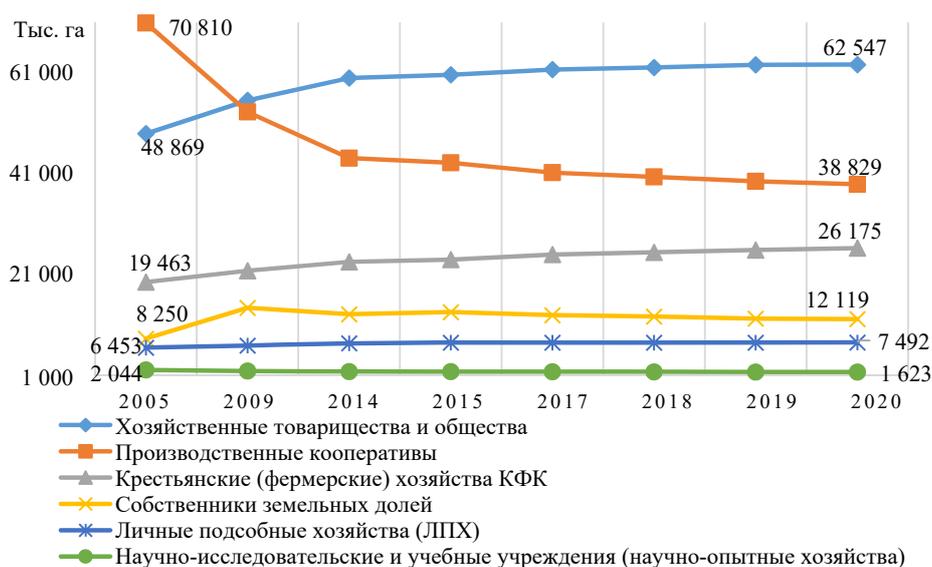

Рис. 1. Динамика использования некоторых сельскохозяйственных земель предприятиями с 2005 по 2020 г., тыс. га

Источник: [7].

Fig. 1. Dynamics of the use of some agricultural lands by businesses from 2005 to 2020, thousands ha

Source: [7].

Таблица 1
Использование сельскохозяйственных земель (угодий) предприятиями, организациями и гражданами РФ, тыс. га

№	Наименование хозяйствующих субъектов, использующих землю	2005	2009	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1	Хозяйственные товарищества и общества	48 868,9	55 456,3	59 889,9	60 526,9	61 010,1	61 554,3	61 973,4	62 503,0	62 547,0
2	Производственные кооперативы	70 809,9	53 185,7	44 025,8	43 100,5	41 977,3	41 151,6	40 297,6	39 428,8	38 828,9
3	Крестьянские (фермерские) хозяйства КФХ	19 462,7	21 697,8	23 461,6	23 901,7	24 404,5	24 909,0	25 346,5	25 807,1	26 175,2
4	Граждане, занимающиеся сенокосением и выпасом скота	15 277,0	15 223,8	15 165,9	15 134,2	15 141,4	15 212,5	15 194,8	15 197,8	14 965,4
5	Собственники земельных участков	1 398,8	5 997,8	10 194,2	10 679,8	11 245,8	11 631,7	12 077,7	12 655,7	12 968,5
6	Собственники земельных долей	8 249,8	14 350,7	13 080,9	13 508,0	13 178,4	12 888,6	12 624,3	12 211,6	12 118,8
7	Личные подсобные хозяйства (ЛПХ)	6 453,3	6 873,3	7 323,5	7 439,7	7 449,3	7 456,6	7 460,1	7 467,4	7 492,0

Table 1 (continued)

8	Государственные и муниципальные СХО	11 250,4	7 455,9	6 263,6	6 116,5	5 855,9	5 695,6	5 561,7	5 448,0	5 459,0
9	Индивидуальные предприниматели, не образовавшие КФК	656,5	1 531,7	2 607,7	2 737,1	2 974,4	3 155,9	3 290,9	3 403,4	3 457,4
10	Научно-исследовательские и учебные учреждения (научно-опытные хозяйства)	2 043,7	1 830,5	1 702,1	1 713,5	1 705,3	1 694,7	1 660,1	1 627,9	1 623,4
11	Садоводы и садоводческие объединения	1 081,6	1 083,7	1 101,6	1 109,7	1 111,1	1 112,0	1 112,9	1 116,9	1 116,7
12	Подсобные хозяйства	1 494,8	1 131,4	958,6	923,9	900,6	879,2	883,1	868,2	851,8
13	Земельные участки, предоставленные для индивидуального жилищного строительства	447,4	492,8	555,4	559,6	582,0	599,9	589,9	595,5	598,5
14	Животноводы и объединения животноводов	319,0	301,8	301,5	319,0	355,8	366,8	379,4	388,0	396,6
15	Огородники и огороднические объединения	320,1	289,5	273,5	271,4	273,3	269,1	272,9	272,7	271,9

Table 1 (end)

Окончание таблицы 1

16	Дачники и дачные объединения	12,1	31,6	75,1	79,6	94,1	94,4	100,6	100,4	99,8
17	Казачьи общества	108,5	93,9	88,6	88,6	90,4	92,8	94,6	95,2	99,7
18	Граждане, имеющие служебные наделы	71,1	59,7	53,8	53,4	53,5	53,5	53,5	53,5	53,4
19	Общинно-родовые хозяйства	18,7	16,2	16,1	15,8	15,8	15,8	15,9	15,9	16,1
20	Прочие предприятия	3 320,5	3 594,9	4 146,4	4 405,2	4 482,1	4 355,2	4 360,8	4 367,4	4 375,1
21	<i>Всего:</i> использовалось земель предприятиями и организациями	137 915,4	122 764,8	117 091,1	116 891,8	116 037,5	115 439,2	114 847,2	114 354,4	113 801,0
22	<i>Всего:</i> использовалось земель гражданами	53 749,4	67 934,2	74 194,7	75 793,2	76 863,6	77 750,0	78 503,5	79 270,0	79 714,2
23	<i>Итого:</i> использовалось земель (угодий) в РФ	191 664,8	190 699,0	191 285,8	192 685,0	192 901,1	193 189,2	193 350,7	193 624,4	193 515,2

Источник: [7].

Source: [7].

В то же время видим весьма существенное падение использования сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) таких форматов организации хозяйственной деятельности, как *производственные кооперативы (артели)* — коммерческие организации, созданные путем добровольного объединения граждан на основе членства для совместной производственной деятельности, основанной на их личном трудовом участии, — с 70,8 млн га в 2005 г. до 38,8 млн га в 2020 г. Иными словами, такой институциональный формат, как производственный кооператив, за 20 лет потерял почти половину своего земельного банка. Данный «парадокс» довольно-таки сложен для глубокого понимания, но в первом приближении его можно объяснить тем, что и по своему формальному уставу, и по практикам неформальных действий члены производственных кооперативов (артелей) должны принимать личное трудовое участие, и оплата их труда всегда производится за конечный результат, а не за «сам процесс работы». Производственные кооперативы, действующие по закону № 41-ФЗ, имеют много преимуществ перед другими формами хозяйствования (может быть сколько угодно членов; он находится на упрощенной системе налогообложения; для его членов не действует Трудовой кодекс; есть возможности увеличения производительности труда на десятки или на сотни процентов по сравнению с государственными или частными предприятиями (ООО, ПАО, АО)).

Существенный рост также отмечается в таком институциональном формате, как крестьянские (фермерские) хозяйства (далее КФХ): как можно увидеть из данных таблицы 1, использование сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) КФХ выросло с 19,5 млн га в 2005 г. до 26,5 млн га в 2020 г. КФХ институционально представляло заинтересованное объединение разных граждан (не обязательно связанных только родством), которые совместно владеют имуществом и осуществляют производственную/хозяйственную деятельность. После государственной регистрации КФХ его глава становится индивидуальным предпринимателем — фермером. Имущество фермерского хозяйства принадлежит его членам по праву собственности. Граждане, ведущие совместную деятельность на основе соглашения о КФХ, вправе создать юридическое лицо — собственно крестьянское (фермерское) хозяйство (ст. 86.1 ГК РФ, Закон № 51-ФЗ с изм. и доп. от 28 марта 2017 г.). Считается, что главными преимуществами КФХ перед другими институциональными форматами являются: возможность спонсирования за счет фондов, выгодные условия для получения кредитов, государственная поддержка, льготы в налогообложении, отсутствие регулярных проверок (при условии соблюдения норм закона) и практически неограниченная площадь земельного участка. По мнению авторов данной статьи, возможно предположить, что именно этими главными преимуществами и обусловлен существенный рост земельных фондов КФХ.

Какие в данном случае можно отметить противоречия и парадокс? Несмотря на то, что как в телевизионных, так и в печатных СМИ часто утверждается, что происходит снижение экономических показателей деятельности КФХ (на самом деле так и происходит в количественном плане — численности КФХ), тем не менее очевиден тренд на рост земельных банков (фондов) КФХ.

Достаточно сильный, но в целом несущественный (из-за низкой базы) — что является своеобразным динамическим институциональным парадоксом — рост земельных фондов обозначается у собственников земельных долей: с 8,2 млн га в 2005 г. до 12,1 млн га в 2020 г. Собственникам земельных долей необходимо оформлять земельные доли, а при отсутствии желания и возможностей заниматься сельскохозяйственным производством распорядиться ею — сдать в аренду или продать. В целом тенденцию роста земельных фондов у собственников земельных долей можно обозначить как рост собственников земли, хотя в количественном (численном) выражении по данной цифре есть существенные расхождения.

Наконец, мы видим довольно странный и довольно существенный тренд на снижение фондов земли таких институциональных форматов, как государственные и муниципальные СХО, как можно увидеть из данных таблицы 1. Использование сельскохозяйственных земель в качестве земельных банков (фондов) снизилось с 11,3 млн га в 2005 г. до 5,5 млн га в 2020 г. Видим, что за 20 лет по критерию земельного банка объем богатств государственных и муниципальных СХО сократился в два раза.

Отмечается очень резкий рост земельных фондов у собственников земельных участков: с 1,4 млн га в 2002 г. до 13,0 млн га в 2020 г. — почти в 9,5 раза; у дачников и их объединений: с 0,01 млн га в 2002 г. до 0,1 млн га в 2020 г. — в 10 раз. Вместе с тем надо учитывать эффекты низкой базы у собственников земельных участков и очень низкой у дачников. Надо также учитывать и то, что достаточно трудно идентифицировать, кто в РФ реально является собственником земельных участков и кто является дачниками. Так или иначе, указанные тенденции нами обозначены, далее вопросы ставятся перед ученым, проводящим микропереписи, и перед авторами конкретных социологических исследований.

Нужно отметить так называемые «воспроизводственные тенденции» среди таких институциональных форматов, как личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и «просто» подсобные хозяйства, садоводы и садоводческие объединения; животноводы и их объединения; огородники и их объединения; казахи общества; граждане, имеющие служебные наделы; общинно-родовые хозяйства; земельные участки лицам, предоставленные для индивидуального жилищного строительства (см. таблицу 1). В частности, воспроизводство ЛПХ практически на одном уровне: земельных фондов у собственников ЛПХ — 6,5 млн га в 2002 г., 7,5 млн га в 2020 г.; примерно аналогичные тенденции и по другим представленным категориям институциональных форматов. Но специально отметим отрицательную динамику фондов земли научно-исследовательских и учебных учреждений (научно-опытных хозяйств): с 2,0 млн га в 2005 г. до 1,6 млн га в 2020 г. Данная динамика означает реальное снижение научной составляющей в сельском хозяйстве.

На рис. 2 представлена динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств за 1991-2021 гг. в России по признакам числа КФХ (на начало года), тыс. ед., площади земельных участков, млн га, и средние размеры земельного участка, га. К сожалению, эти данные Ассоциации крестьянских (фермерских)

хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России противоречивы и неполны, и цифры никак не соотносятся с данными, представленными в других источниках. Например, если взять 2016 г. из данных таблицы 1 [7, 2018, с. 36] и сравнить с 2016 г. на рис. 2, то в первом случае указывается цифра 24,9 млн га, а во втором случае — 27,4 млн га, что далеко не одно и то же. Средний размер земельного участка с 1991 по 2020 г. практически с каждым годом увеличивается, но так как в 2013 г. произошел резкий скачок роста числа крестьянских (фермерских) хозяйств на 60 тыс. ед., то соответственно средний размер земельного участка уменьшился. В дальнейшем, начиная с 2015 и вплоть до 2020 г., происходит значительное снижение количества К(Ф)Х в связи с ужесточением требований к оформлению государственной поддержки, поэтому руководители крестьянских (фермерских) хозяйств присоединяются к более крупным предприятиям или же совсем прекращают свое существование как юридическое лицо.

Вместе с тем, если не относиться к цифрам Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России как к «парадоксальным», а просто учесть как условия их участия в Ассоциации, то по их данным можно увидеть, что в России число КФХ и индивидуальных предпринимателей за последние пять лет существенно снизилось (соответственно со 136,7 тыс. ед. до 102,4 тыс. ед. и с 38,0 тыс. ед. до 20,8 тыс. ед.), но общая площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство и индивидуального предпринимателя выросла (соответственно с 256,3 тыс. га до 476,8 тыс. га и с 119,1 тыс. га до 306,6 тыс. га), см. рис. 1 и 2.

«Парадоксом данных» можно назвать очевидный рост земельного фонда КФХ и одновременно снижение количества КФХ, отражаемые в несколько замысловатой «синусоиде», если применить метод наименьших квадратов к «рваному» графику на рис. 2.

Крестьянско-фермерское хозяйство способствует диверсификации доходов и занятости и распределению фермерских рисков, что также создает возможности для эффективного использования местных ресурсов. Значительное влияние на траекторию развития КФХ оказывают сложности и ограничения (например, рыночные, институциональные), которые сказываются на деятельности фермеров. Для примера возьмем молочные фермы, которые сталкиваются с многочисленными трудностями, включая болезни скота, сезонные колебания качества и количества кормов и воды, низкий генетический потенциал коров для производства молока, неадекватную инфраструктуру сбора и сбыта молока, ограниченные знания и навыки, низкие цены на молоко, транспортные проблемы, отсутствие хранилищ (что является серьезной проблемой для быстропортящихся молочных продуктов в полувлажных районах). Кроме того, такие факторы, как использование традиционных технологий, плохая инфраструктура, отсутствие маркетингового сопровождения и рыночной информации, отсутствие организаций производителей и деградация природных ресурсов, способствуют неиспользованию молочного потенциала и проблемам качества молока.

Рис. 2. Динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств в России за 1991-2021 гг.

Источник: [3].

Fig. 2. Dynamics of the number of peasant farms in Russia from 1991 to 2021

Source: [3]

Например, качество молока, произведенного в КФХ, считается низким, что ставит отечественную промышленность в невыгодное положение по сравнению с импортом. Интенсификация молочного производства предполагает принятие комбинации пород крупного рогатого скота с повышенным генетическим потенциалом для производства молока и других дополнительных ресурсов (например, корма, мероприятия по борьбе с болезнями и улучшенное ведение учета), что также вносит значительный вклад в общее благосостояние мелких фермеров, среди которых доение осуществляется вручную, является высоко-трудоемким и в значительной степени зависит от семейного труда.

Развивая макроподход, следует отметить, что сельское хозяйство в целом во всех странах выполняет важную социально-экономическую роль для обеспечения жителей страны продуктами питания, рабочими местами в сельской местности и другими товарами народного потребления, а также сырьем для их производства. Наблюдаемый на сегодняшний день процесс реорганизации формальных институтов, характеризующийся внедрением и совершенствованием института частной собственности на землю и другие аграрные ресурсы, инкрементирование в управленческие практики новых моделей проведения

транзакций дали возможность формирования множества небольших аграрных организаций, которые начали осуществлять свою деятельность в форме крестьянско-фермерских хозяйств. Наряду с этим следует отметить, что в годы активной государственной поддержки фермерских хозяйств, период интенсивного роста численности крестьянско-фермерских хозяйств сменяется этапом значительного сокращения их численности путем их значительного разукрупнения.

Частные хозяйства в новой (испытывающей значительные колебания) среде, как и в начале рыночных реформ, играют важную роль в развитии отечественного сельскохозяйственного производства. В связи с данным обстоятельством, формирование высокоэффективного функционирования крестьянско-фермерских хозяйств, которые будут способны обеспечить продовольственную безопасность страны (области, региона), а также внести весомый вклад в создание комфортных социально-экономических условий для развития сельских территорий, становится всё более актуальной проблемой как для академических исследований, так и для практики.

Животноводство играет важную роль в формировании доходов, создании рабочих мест, обеспечении продовольственной безопасности, предоставлении услуг, внесении вклада в активы, социальные, культурные и экологические ценности и поддержании средств к существованию людей во всем мире. Среди подсекторов животноводства молочное производство является важным источником средств к существованию, в результате чего ему уделяется значительное внимание. Повышение роли молочного производства в обеспечении средств к существованию может быть достигнуто за счет интенсификации мелкого молочного производства в стране.

Животноводство — важный фактор в поддержании средств к существованию миллионов бедных ресурсами фермеров в различных средах, начиная от пастбищных и агропастбищных систем низменностей до смешанных систем земледелия в высокогорьях. Подсектор животноводства в настоящее время обеспечивает и поддерживает средства к существованию для 80% всего сельского населения. ВВП деятельности, связанной с животноводством, оценивается порядка 60%. Система смешанного производства сельскохозяйственных культур и животноводства также характеризуется многолетним производством молока молочными коровами, содержащимися для многоцелевого использования, а также производством кормов, утилизацией, и ограниченные пастбища и растительные остатки играют важную роль. Молочные продукты, такие как молоко, масло и творог, производятся и используются в качестве источника дохода для покупки сельскохозяйственных ресурсов и удовлетворения семейных нужд, в то время как крупный рогатый скот является активом, обеспечивающим фермеров во время чрезвычайной ситуации.

Обратимся теперь к более детальному определению и описанию крестьянско-фермерских хозяйств, особенностям и условиям их развития, что, собственно, и является главным предметом исследования в нашей статье.

Крестьянско-фермерские хозяйства: понятие, особенности и условия развития

В соответствии с Законом РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 384-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», происходит в общественном сознании укоренение значимости мелкого аграрного бизнеса. Данное обстоятельство подтверждает тот факт, что с 1990 г. начинается процесс инициации конструирования крестьянско-фермерских хозяйств [32].

В данной работе ограничимся одним термином крестьянско-фермерского хозяйства. Согласно ст. 1 Федерального Закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии [33].

Обращаясь к истории вопроса, по состоянию на 1 декабря 1991 г. осуществляли деятельность 41,5 тысяч крестьянских хозяйств [5, с. 66]. В историческом контексте становление и развитие крестьянских хозяйств наблюдается за счет преобразования личных подворий, арендных коллективов, выхода работников из колхозов и совхозов с земельными и имущественными паями, нового строительства, а также главным образом при переезде на село городских жителей, объединении фермерских хозяйств в колхозах и совхозах, которые имеют пустующие животноводческие помещения. Достаточно дешевый, доступный и перспективный путь, особенно для работников колхозов и совхозов, имеющих жилой дом, надворные постройки, скот и приусадебный участок, — это трансформация личных подворий в крестьянское хозяйство. Парадигма трансформации в фермерское хозяйство использовалась практически во всех регионах следующим образом: владельцы личных подворий наделяются дополнительными участками земельных угодий, осуществляется покупка ими необходимой техники, а также обязательное увеличение поголовья скота. Из общего числа хозяйств в 1991 г. 28% были организованы рабочими, вышедшими из колхозов и совхозов с долей в земле и имуществе, а остальные хозяйства были организованы сельскими и городскими жителями (работниками несельскохозяйственных предприятий) [6, с. 73]. Организация крестьянских хозяйств при преобразовании колхозов и совхозов в объединения крестьянских хозяйств, кооперативов и мелких предприятий также является перспективным направлением. В этом случае крестьянские хозяйства наделяются участками оптимального размера, а необходимые материально-технические ресурсы передаются им за счет их имущественных долей. Крестьянские (фермерские) хозяйства в первые годы функционировали относительно эффективно благодаря активной поддержке государства. Более того, постулаты зарубежной (а позднее отечественной) науки о преимуществах частной собственности имели высокую ценность, используемые для определения сельского хозяйства как основного направления деколлективного (и индивидуализации) сельского хозяйства.

Как показывает динамика численности КФХ в России за 1991–2021 гг. (рис. 2, на основе данных АККОР), после колоссального роста числа фермерских хозяйств в России в 1991–1995 гг. (с 4 000 до 280 000) в последующие годы значительные транзакционные издержки в силу сложившихся институциональных и макроэкономических условий способствовали формированию противоположной тенденции — постоянного сокращения числа людей, занимающихся (или продолжающих заниматься) сельскохозяйственной деятельностью.

Помимо дороговизны юридического оформления вновь образованных хозяйствующих субъектов, фермеры сталкивались с непреодолимыми трудностями, которые были связаны, во-первых, со слабой материально-технической базой, существенно отличающейся в разрезе фермерских хозяйств, во-вторых, с проблемами получения необходимых ресурсов и, в-третьих, с трудностями в реализации продукции.

Не менее значимы различия между владельцами сельскохозяйственных хозяйств, такие как предыдущие профессии, регламентирующие их место жительства, первоначальные финансовые возможности, лоббистский потенциал. Кроме того, многие из них (особенно на этапе создания хозяйства) характеризуются крайне ограниченным начальным капиталом, отсутствием знаний и навыков в осуществлении сельскохозяйственного производства.

По данным проведенной в 2021 г. сельскохозяйственной переписи (микрореписи), следует отметить следующую тенденцию: за пять лет в Российской Федерации сократилось число объектов переписи — сельхозорганизаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей и личных подсобных хозяйств. Число объектов и общая площадь сельскохозяйственных угодий в расчете на один объект переписи по категориям хозяйств на современном этапе представлены в таблице 2.

По данным проведенной в 2021 г. сельскохозяйственной переписи (микрореписи), нужно отметить следующую резко выраженную тенденцию: значительно выросли показатели общей площади сельскохозяйственных угодий в среднем на один объект переписи в сравнении с 2016 г. Так, на одну сельскохозяйственную организацию сейчас приходится в среднем 3,4 тыс. га, что на 36% больше, чем пятью годами ранее.

Как видим из рис. 3, наблюдается *парадоксальная тенденция*: число крестьянских (фермерских) хозяйств сократилось в 2021 г. на 25%, но при этом выросли показатели общей площади сельскохозяйственных угодий в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство за 5 лет (на 86,7%). Причины сокращения КФХ — сильное административное давление. Проверки, штрафы, налоги, отчетность. При этом, если говорить о плюсах или стимулах, оказывается, их просто нет, поскольку и господдержка, и кредитование стали недоступными. Господдержку оформлять долго, неудобно, и зачастую она заканчивается к моменту, когда фермер подал документы.

Поэтому гораздо проще продолжать хозяйствование не в качестве зарегистрированного предпринимателя, а в качестве товарного подсобного хозяйства.

Таблица 2

Число объектов и общая площадь сельскохозяйственных угодий в расчете на один объект переписи по категориям хозяйств по результатам переписей 2016 и 2021 гг.

Table 2

Number and total area of agricultural lands per one census object by types of farms presented in the census results of 2016 and 2021

Объекты переписи	Число объектов переписи, тыс. ед.		Общая площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на один объект переписи, га	
	ВСХП-2016	СХМП-2021	ВСХП-2016	СХМП-2021
Сельскохозяйственные организации — всего	36,0	34,4	2 501,8	3 408,9
из них: сельскохозяйственные организации, не относящиеся к субъектам малого предпринимательства	7,6	9,6	5 885,1	6 353,4
малые сельскохозяйственные предприятия	24,3	20,9	1 790,7	2 400,1
в том числе: малые предприятия (без микропредприятий)	7,1	6,5	3 786,4	4 123,3
микропредприятия	17,2	14,4	964,7	1 380,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели — всего	174,8	123,2	226,5	456,3
в том числе: крестьянские (фермерские) хозяйства	136,7	102,4	256,3	476,8
индивидуальные предприниматели	38,0	20,8	119,1	306,6
Личные подсобные и другие индивидуальные хозяйства граждан	23 496,9	16 626,7	0,5	0,6
Некоммерческие товарищества — всего	75,9	72,2	15,2	15,4
в том числе: садоводческие	67,3	66,2	15,1	15,5
огороднические	2,8	1,7	10,1	9,5
дачные и др.	5,8	4,3	18,7	15,8

Источник: [41].

Source: [41].

Рис. 3. Число крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей и общую площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на одно крестьянское (фермерское) хозяйство и индивидуального предпринимателя в Российской Федерации

Источник: [41].

Fig. 3. Number of peasant (farmer) farms and individual entrepreneurs and total area of agricultural lands on average per one peasant (farmer) farms and individual entrepreneur in the Russian Federation

Source: [41].

Сегодня в стране складывается тенденция, что малые формы неинтересны — на них не смотрят как на аграрный потенциал, потому что нет желания менять существующие механизмы, а есть желание получить большой объем и сразу за счет новых крупных инвестиций, тем самым увеличить экспортный потенциал страны. Снижение численности КФХ говорит о негативных тенденциях, на которые может влиять государство.

Тенденция относительного укрупнения хозяйств существует во всем мире. Если ты эффективный менеджер, то можешь увеличить земельные площади и объемы производства. Росстат эту картину и показывает. Кроме того, есть значительное количество хозяйств, не расширяющих свои угодья и воспринимающих фермерство не как бизнес, а как образ жизни. И эти люди необычайно ценны, поскольку именно совмещение дела и сельского образа жизни стимулирует прийти в село и начать семейный бизнес. Именно из таких стимулов складывается жизнь на сельской территории.

Крестьянско-фермерские хозяйства — это хорошо, но во всем мире идет тенденция к формированию и укрупнению агрохолдингов. Только за период 2014-2021 гг. количество крупнейших владельцев сельскохозяйственной земли в России увеличилось с 30 до 66 компаний, а их общий земельный банк возрос с 7,2 млн га до 15,4 млн га [19].

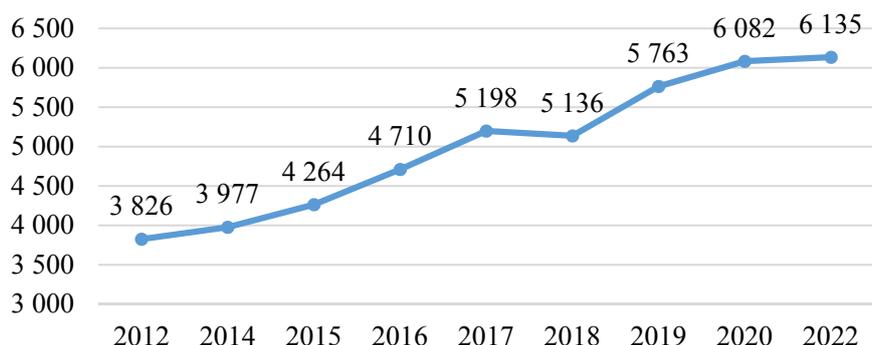

Рис. 4. Прирост общего земельного банка крупнейших агрохолдингов РФ, в тыс. га
Источник: [19].

Fig. 4. Growth of the overall land bank of the largest agricultural holdings in the Russian Federation, thousands ha
Source: [19].

В России наблюдается наращивание земельного банка агрохолдингов, особенно это проявляется в последние три года (рис. 4). Обозначенная тенденция обусловлена тем, что из-за существенного роста товарных цен на мировых рынках растениеводство сегодня является высокодоходной отраслью. Полученные сверхдоходы компаний этой отрасли активно инвестируются в еще большее расширение земельного банка. Кроме того, на рынке появляются непрофильные инвесторы.

В 2019 г. был публично объявлен целый ряд крупных сделок слияния и поглощения агроактивов с существенными земельными банками. Общую тенденцию увеличения земельных активов на протяжении последнего десятилетия и особенно с 2019 г. демонстрируют все лидеры российского агробизнеса [19]. Эта тенденция проиллюстрирована на рис. 5.

На первом месте по приросту земельного фонда холдинговая компания «Мираторг» (+666 тыс. га за семь лет), далее следуют «Агрокомплекс» (+460 тыс. га), агрохолдинг «Степь» (совместно с РЗ Агро) (+466 тыс. га), «ЭкоНива-АПК» (+434 тыс. га), «Продимекс» (+412 тыс. га), и завершает список «Русагро» (+157 тыс. га), несмотря на незначительное снижение земельного банка в последние годы [19]. Доля агрохолдингов в выручке растениеводства составляет 31% (данные на 2020 г.). Схожая ситуация наблюдается в другой ключевой отрасли сельского хозяйства: доля агрохолдингов в выручке животноводства оценивается в 37%.

Выручка крупнейших производителей мяса в 2020 г. выросла на 1% по сравнению с предыдущим годом, достигнув 70%. Более трети всего мяса в РФ производится в 10 ведущих агрохолдингах (лидеры — «Мираторг», «Черкизово» (GСHE), ГАП «Ресурс»). Объемы производства стабильно растут. Так, производство мяса в 2019 г. составило 10,9 млн тонн, в 2020 г. — 11,2 млн тонн. Укрупнение агрохолдингов происходит и в масложировом комплексе: их доля в выручке этого сектора в 2020 г. достигла 61%, против 60% в 2019 г. [19]. Эта тенденция подтверждается и всеми экспертами, с которыми мы беседовали в стандарте глубинного интервью.

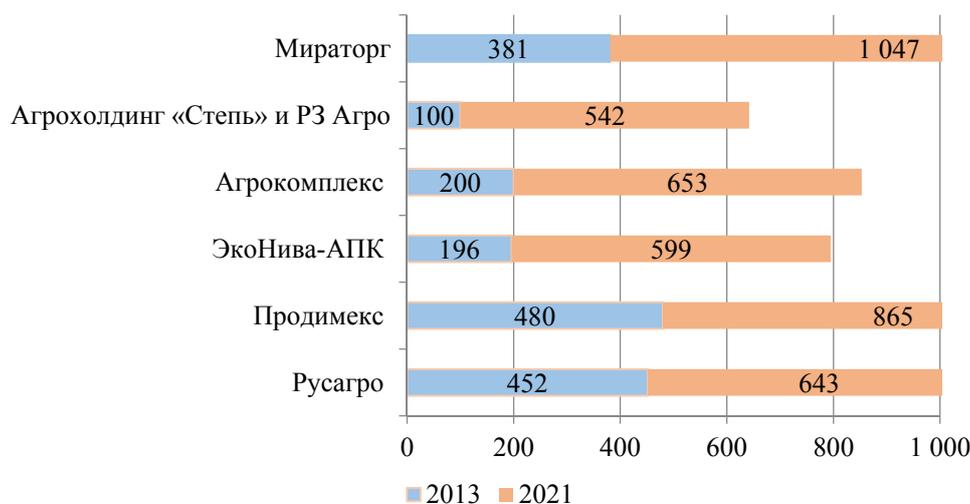

Рис. 5. Лидеры по приросту земельного банка за период 2014-2020 гг., тыс. га

Источник: [19].

Fig. 5. Leaders in the growth of land bank from 2014 to 2020, thousands ha

Source: [19].

Обсуждение результатов

Данные статистики показывают, что в Российской Федерации в целом наблюдается определенная положительная динамика развития сельского хозяйства (расширение размеров фермерских хозяйств, увеличение доли сельскохозяйственного производства).

Однако результаты проведенного анализа деятельности КФХ в экономике позволяют сделать вывод о том, что эти экономические субъекты испытывают значительные трудности не только в процессе базового производства, но и на этапе производства на первичных и постфермерских стадиях. Процесс установления взаимовыгодных отношений между фермерами и поставщиками сырья и переработчиками продукции является особенно сложным, и операционные издержки, связанные с получением информации о контрагентах, ведением переговоров и заключением контрактов, мониторингом и защитой прав собственности на данном этапе, значительно снижают их деятельность.

Фермеры также несут высокие дополнительные расходы на стадиях реализации и продажи продукции, так как убыточные цены мелких производителей, определяемые монопольными переработчиками, сопровождаются высокими требованиями к качеству продукции, упаковке и транспортировке. Выполнение всех этих (и других) требований сопряжено с более высокими затратами, что в большинстве случаев снижает рентабельность и потому просто не имеет смысла.

Крестьянские (фермерские) хозяйства как малые и средние формы хозяйствования в аграрном секторе экономики достигли уровня производства сельскохозяйственной продукции свыше 12% [5, с. 64]. Результаты многих социологических

исследований показывают, что именно институциональная практика формирует, закрепляет и воспроизводит реальные мотивации поведения людей и что их изменение выступает движущей силой развития и закрепления ценностных ориентаций [43, с. 75].

В целом результаты институциональных изменений в РФ в 1990-2020 гг. можно свести к следующим тезисам.

Достигнуты институциональные цели — насыщение рынка России продовольствием и сельскохозяйственным сырьем по так называемым «общественно приемлемым ценам» на основе организационно-экономических, финансовых и правовых условий для эффективного ведения агропромышленного производства.

Решены задачи по формированию многоукладной сельской экономики на основе приватизации земли, реорганизации колхозов и совхозов; перехода от директивно-плановых отношений к рыночным; ориентации на спрос, предложение и рыночные цены, оценку бизнеса по мировым стандартам (выручка, прибыль и рентабельность), обеспечения оборота земли и средств производства, перехода к эффективным рыночным агентам; при сохранении контроля за качеством продукции сельского хозяйства и созданием государственных резервов.

Вместе с тем институциональная цель «социальное возрождение села» так и не была реализована.

Институциональные *взаимные обязательства* на селе были объявлены и операционализированы следующим образом: государство взяло на себя обязательства по субсидированию, дотациям, субвенциям, пособиям, грантам, помощи и льготам сельхозпроизводителям, включенным в целевые программы, с учетом внедрения нормативно-правовых, административных и экономических требований и регламентов. Путем процедур освобождения сельхозпроизводителей от обязательств по финансированию строительства и содержания этих объектов произошла передача объектов социальной сферы и инженерной инфраструктуры от сельхозпроизводителей к органам муниципальной власти. Появился рынок земельных долей и участков, что создало понятную институциональную базу мобильности земельных ресурсов на основе того, что заинтересованные лица формировали свои права землепользования. И самое главное: впервые на селе стала применяться технология «товарного кредитования».

Были применены следующие *наиважнейшие стимулы модернизации сельского хозяйства*: возрождение через целевое финансирование элитного семеноводства, племенного животноводства, приобретение новой техники для сельского хозяйства через системы агролизинга, субсидированные инвестиционные кредиты, уменьшение налоговых платежей предприятиям топливно-энергетического комплекса (ТЭК) по бюджету на сумму стоимости поставляемых на село ресурсов, полнейшая реструктуризация долгов для сельхозорганизаций, которые больше уже не имели финансовых источников для погашения долгов по кредитам.

Имели значение формы и форматы сельскохозяйственных организаций (СХО): согласно Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ, установлены критерии отнесения субъекта предпринимательства к микро-, малому, среднему

и крупному. Но существовали проблемы определения реальных форм СХО: для СХО масштаб предпринимательства отражает выручка, а доходы, в которые входит и государственная поддержка, могут характеризовать СХО не столько в «положительном» смысле эффективности труда, сколько в «отрицательном» — как способность выстраивать отношения с лицами, принимающими решения о выделении субсидий (субвенций, грантов) в условиях ограниченности редких ресурсов и неравного к ним доступа; нужно оценивать не одно юридическое лицо, а весь бизнес. За счет прорех и разрывов между понятиями «выручка» и «доходы» образовывались малые ручейки и гигантские реки утечки финансовых ресурсов из федерального бюджета. Данная проблема до сих пор не решена.

Обращаясь к нашим гипотезам, нужно отметить, что все они в той или иной форме подтвердились.

Так, в России за последние двадцать лет, независимо от поколенческих траекторий, качества и продолжительности воспроизводства жизненных процессов людей российских сел, действительно наблюдается резкая и всё более усиливающаяся социально-экономическая дифференциация, при сравнении жизненных шансов и практик сельского и городского населения.

Действительно, дальновидные руководители муниципалитетов делают ставку на всё более интенсивное развитие как институтов, так и культуры, тем самым привлекая человеческий капитал в сельской местности.

Как показал наш институциональный анализ, для развития сельского хозяйства и сельских территорий России в современных контекстах следует делать акцент на поведенческих характеристиках экономических акторов и на понимании мотиваций и стимулов по созданию новых институтов.

Изучая перспективы современных институциональных процессов, подтвердилось наше предположение о том, что в динамике за последние десятилетия трансформаций российского села по-прежнему часто делается акцент на том, что выполняется дихотомия «рынок побеждает, а село вымирает», и эта генеральная тенденция постоянно воспроизводится.

Подтвердилось предположение о том, что нужно использовать методы противопоставления рыночной и территориальной логик развития, с учетом погружения в общие институциональные и социальные контексты. Вместе с тем для операционализации и верификации этих «парадоксальных методов» следует привлекать как можно больше эмпирических данных.

Анализ работы крестьянских хозяйств в некоторых других странах мира

Для того чтобы представить, как возможна в принципе продуктивная работа крестьянских фермерских хозяйств в России с точки зрения внедрения самых прогрессивных технологий, ниже изложены основные результаты нескольких зарубежных исследований по эффективной работе фермерских хозяйств.

Как доказал М. Калус, семейная ферма (family farm) является краеугольным камнем европейской сельскохозяйственной модели (European agricultural model), на которой основана вся нынешняя и вся будущая общая сельскохозяйственная

политика (Common Agricultural Policy) Бельгии, Великобритании (Соединенное Королевство), Германии, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции. При этом считается, что семейная ферма внесла свой вклад в экономическое и социальное развитие, скорректировав свои институциональные структуры, новые методы производства и управления [44, 45].

Определение семейного фермерского хозяйства в других странах мира включает следующие элементы: как владение бизнесом, так и управленческий контроль, находящийся в руках семьи или близких членов семьи; владение бизнесом и управленческий контроль передаются внутри семьи из поколения в поколение; большая часть рабочей силы обеспечивается главным лицом, принимающим решения (Principal Decision Maker — PDM), и его/ее семьей; значительная часть капитала предоставляется главным лицом, принимающим решения, и его/ее семьей; семья живет на ферме; семья получает большую часть своего дохода от фермерства; принципалы связаны родством или браком. Основной целью семейной фермы часто является не только максимизация прибыли, как предполагается в неоклассических моделях, но и другие цели, такие как сохранение контроля и передача надежного бизнеса следующему поколению. Это означает, среди прочего, что бизнес имеет более длительный горизонт планирования, измеряемый поколениями, а не годами, и что обеспечение долгосрочного выживания может быть более важным среди целей фирмы, чем максимизация краткосрочных выгод. Семейные фермы отличаются от семейного бизнеса и промышленных ферм тем, что как управление, так и предпринимательство находятся в руках фермерской семьи и не делятся с другими. Фермерская семья обеспечивает труд, землю и капитал. Можно нанимать дополнительную рабочую силу, чаще всего на сезонной основе, а землю при необходимости арендовать для расширения сельскохозяйственного производства. Дальнейший дополнительный капитал может быть заимствован для поставок, машин и улучшений.

Европейская статистика говорит о том, что в большинстве стран количество ферм сократилось, но увеличилась средняя площадь сельскохозяйственных угодий на ферму. Аналогичный процесс наблюдается в РФ. Процесс сокращения количества производственных единиц технически и технологически способствовал увеличению числа профессиональных предприятий. Благодаря трудосберегающим технологиям увеличение размера фермы и экономического размера не всегда отражается в аналогичном увеличении единиц труда на ферму. Малые и очень мелкие фермы по-прежнему составляют большинство ферм в сельском хозяйстве Европейского Союза, особенно в странах Южной и Восточной Европы, где социальная база сельского хозяйства остается прочной и широко распространенной. Следует отметить, что эти приусадебные участки по-прежнему гарантируют большое количество рабочих мест. Многие из этих временных рабочих заняты полный рабочий день, и во многих других случаях речь идет о скрытой безработице со всеми вытекающими социальными последствиями. С социологической точки зрения, семейная ферма ассоциируется с семейными добродетелями, такими как солидарность, преемственность и преданность делу; с экономической точки

зрения, семейная ферма может быть отождествлена с предпринимательскими навыками, возможностью выбора, риском и индивидуальными достижениями [44].

В настоящее время в зарубежной научной литературе и в средствах массовой информации всё больше растет внимание к процессам и практикам автоматизации ферм на базе новых институционально-технологических стратегий совместного проектирования / совместного дизайна (*collaborative design / co-design*) совмещения работы роботов и людей при внедрении новой робототехники для производителей продуктов питания в контекстах применения долгосрочных горизонтов планирования.

Л. Кэтрин и Б. Карли в своей статье [50] обсуждают, как, например, производители яблок осваивают новые роботизированные технологии, использующие искусственный интеллект (*Artificial Intelligence (AI)*) для автоматизации аспектов фермы. Фермеры уделяют особое внимание тому, как это освоение связано с подготовительной и реальной повторной сборкой ландшафтов, подготовкой работ и учреждений. Анализ рассматривает различные способы, с помощью которых садоводы на практике осуществляют уборку своих садов в ожидании новых технологий, и имеет особое значение то, как их действия накладываются на экологические системы, трудовые отношения и капитализацию фермы. Результаты исследования раскрывают проблемы демократических форм взаимодействия с роботизированным будущим, а также способы, с помощью которых производители повышают свою способность осмысленно взаимодействовать с новыми технологиями. Наблюдая за материальным участием фермеров в ландшафте, их работе и в их институциональных сборках (*institutional assemblages*), становится возможно отметить конкретные материальные условия, определяющие выбор фермеров в отношении внедрения на ферме технологий, а также воздействующих на их предполагаемую способность влиять на разработку и внедрение технологий в отрасли в целом. Новый подход институциональной сборки (*institutional assemblage approach*), учитывающий взаимосвязь фермеров с ландшафтами, управлением, работой и институциональной средой, предоставляет важнейшие инструменты и данные для ученых, заинтересованных в изучении вопросов предвосхищения через призму ответственных исследований и инноваций. В частности, акты исследований и наблюдений предоставляют социологам дополнительные возможности для более активного вовлечения фермеров в качестве партнеров «гражданской науки» (*“civil science”*) в ответственную и совместную разработку и внедрение новых сельскохозяйственных технологий.

В качестве примера рассказывалось о новом роботе — сборщике яблок, который в марте 2019 г. прибыл из Силиконовой долины в Аотеароа (Новая Зеландия) и продемонстрировал, как он медленно убирает яблоки с ряда стройных яблонь вдоль шпалеры, что распространилось в популярных сельскохозяйственных СМИ. Это комбайн был назван «первым в мире» сборщиком яблок в национальных и международных газетах. Аналогичные статьи были опубликованы в *Guardian* об автоматизированных сборщиках ягод малины, и авторы предполагали, что в будущем робот намного превзойдет людей-работников. Хотя первоначально и сборщик малины, и сборщик яблок были медленными и неуклюжими,

имели немало технических проблем, которые в настоящее время сделали бы их непригодными для широкомасштабного использования, тем не менее они усовершенствовались, что сделало дискуссии об абстрактных перспективах и процессах технологического развития более конкретными, а опыт внедрения новых роботизированных технологий как непосредственных участников этого процесса, казалось бы, более понятным. Были случаи, когда вид машины в действии влиял на то, как зарубежные фермеры, с которыми проводились беседы, размышляли о будущем. Многие зарубежные фермеры тогда предположили, что машина непрактична в ее нынешнем состоянии, отметив, что пройдет десять лет, прежде чем ее можно будет использовать в любом коммерческом саду. Одни видели переход в ближайшем будущем, другие думали, что он никогда не наступит. Несмотря на это, большинство производителей, с которыми проводились интервью, видели, что новые роботизированные технологии на основе искусственного интеллекта играют определенную роль в будущем яблочной индустрии и в той или иной степени определяют это будущее и его форму.

В некоторых случаях действия производителей отражали четкое видение фермерами того, как будут выглядеть фермы будущего. Это видение зачастую отражало популярные представления о полностью автоматизированных производственных системах с предельно уменьшенным вмешательством человека. Имея в виду это четкое видение, сады могут либо принять, либо отказаться от предлагаемой модели роботизации на практике. Другие фермеры сдержанно относились к этому исключительному будущему и занимались практикой повседневных рабочих операций (*working*), осознание возможностей будущей продуктивности которых могло помочь повысить их способность принимать стратегические решения в отношении технологий автоматизации по мере их появления и оценки эффективности в фермерском мире повседневности как «мира труда» (“the world of work”).

Принятие нового подхода к институциональной сборке (*assemblage approach*) привело к следующим предположениям: 1) предвосхищение отображает будущие ожидания на настоящие реальности через материальные действия западных фермеров, 2) практика и стратегия на будущее ограничены материальными реалиями и 3) нарративы, объясняющие логику этих практик и стратегий, возникают одновременно с их возможностью. Эти лежащие в основе предположения подчеркивают центральную роль практического и материального мира производителей в формировании их намерений, объяснений и видений будущего; в данном случае возможно говорить о «парадоксах прогнозирования», «парадоксах и конструктах будущего фермерства» в развитии сельских территорий.

То есть ферма не является пассивным фоном для действий фермера, но, как мир повседневности, осознаваемый фермером как «мир труда», участвует над перспективами «отношения процесса» внедрения роботизации в разрешении и ограничении действий фермера, формируя, какие виды воображаемых миров деятельности становятся наиболее приемлемыми. Этот подход сопряжен с трактовкой «когнитивного стиля» повседневной жизни в феноменологической социологии,

когда «мир труда» проявляется в самых неожиданных, порой парадоксальных контекстах, в данном случае верифицируясь в дополнениях ожиданий, связанных с внедрением «парадоксальных технологий» по ответственным исследованиям и инновациям упреждающего управления, приводящим к необычным изменениям, особенно если подходы разработаны в рамках новой работы. Парадоксы и курьезы современного «упреждающего управления» западного фермерского хозяйства состоят в том, что сильные и рискованные фермеры, несмотря на их включенность в повседневную рабочую жизнь, находят в себе силы от нее оторваться и принять новый подход, который расширяет понимание неопределенности, свободы действий и социальной власти в контексте технологических изменений и институтов.

Образы автоматизированного сельскохозяйственного будущего — ферм, обходящихся без человеческого присутствия, — время от времени появляются в тексте в основных новостных агентствах. Вот лишь некоторые из множества заголовков: «У нас будут космические боты с лазерами, убивающими растения»; «У нас начинается эпоха роботов-фермеров» [56, 57]. Многие из этих идей намекают на определенное будущее продуктов питания. Они могут связать это будущее с неотложными глобальными обстоятельствами, такими как ограниченный доступ к сельскохозяйственным рабочим-мигрантам в силу их ненужности из-за роботизации и ограниченный доступ к воде и земле. Хотя те немногие из описанных здесь парадоксальных идей представляют будущее как включающее принципиально новое разнообразие крестьянских ферм или какие-то препятствия для внедрения робототехники, всё это будущее изображается как неизбежное, уникальное по своему характеру и с развертыванием процессов, которые определяли бы, как автоматизация всё более и более внедряется в современные фермы.

Обращаясь к новым вызовам в современную эпоху глобальной нестабильности, в частности того, что пандемия COVID-19 — всерьез и надолго, по версии М. Фарбиан и Дж. Гутман, во всём мире будет, вероятно, экспоненциально повышаться интерес к робототехнике и автоматизации, которая отражает желания, фиксирующие всё более настойчивое внедрение в жизнь многообещающих фантазий об обильных запасах продовольствия и непроницаемой безопасности производства [47]. Эти образы не просто проецируют определенное сельскохозяйственное видение, но, вероятно, влияют на социальные и политические процессы, связанные с разворачивающейся историей сельскохозяйственных технологий. Многие действующие лица, находящиеся в центре этих изменений, — фермеры — действительно предвидят, что внедрение робототехники совпадет с популярными нарративами, которые столь же неизбежны и объективны по своим последствиям, сколь органично интегрируются в существующую сельскохозяйственную систему. Влияние новых цифровых технологий может как расширяться, так и расходиться с историческими и институциональными закономерностями из-за уникальных возможностей больших данных, искусственного интеллекта, «умного земледелия» и «цифрового сельского хозяйства» для принятия решений. В сочетании с робототехникой эти вычислительные процессы указывают на возможность полной автоматизации и, по крайней мере, делают первые шаги к «полной автоматизации»

западных ферм новыми способами, отличными от простой механизации. Таким образом, новые технологии могут заметно повлиять на практическую автономию и контроль над методами ведения сельского хозяйства, формировать новые типы знаний (в том числе знаний неявных, негласных, неписанных, молчаливых, автоматических — “tacit knowledge”), крайне необходимые для такой новой сельскохозяйственной практики, которая ведет к последующим продуктивным социально-экономическим последствиям в случае правильного выбора оптимального состава внедрения роботизации в сельскохозяйственные работы. Вместе с тем «полная автоматизация» вызывает ряд опасений по поводу конфиденциальности, этики, внедрения новых институтов и уровня демократичности управления.

Считается, что ответственные исследования и инновации — это прозрачный интерактивный процесс, посредством которого общественные деятели и новаторы взаимно реагируют друг на друга. Сторонники такого подхода предполагают, что эти формы «взаимного реагирования» действуют во время первоначального использования новых технологий и при оценке результатов технологий и их преимуществ, которые определяются в терминах переосмысления ответственности как демократизация управления намерениями и институционализация реагирования. Сама структура концепта «ответственных исследований и инновации» (Responsible Research and Innovation — RRI) была разработана и внедрена в рамках Европейской комиссии Европейского Союза, предполагая, что проекты, финансируемые ЕС, должны предусматривать участие общественности и совещательные социальные процессы в любых технологических разработках.

Одна ветвь исследований, разработанная в рамках RRI, фокусируется на ожидании. Прогнозирование является совместным и включает в себя попытки лучше понять потенциальные эффекты технологий посредством эмпирических выводов, размышлений и дискуссий между различными группами. Она также включает открытые и честные обсуждения желаемого будущего, связанного с технологическим проектом. Другое разветвление исследований, разработанных в рамках RRI, — предвосхищение ориентировано на создание дискурсивного контекста, обеспечивающего демократические процессы принятия решений в отношении технологий, и всегда интегрировано с включением, реагированием и рефлексивностью. Эта основная предпосылка также разрабатывается в соответствующих работах по упреждающему управлению, а ее целью является создание условий для поддержки людей в управлении технологиями по мере их появления в режиме реального времени. Сосредоточение внимания на возможностях управления в рамках концепта «ответственных исследований и инновации» является фундаментальным аспектом предвидения, и это также говорит об особой проблеме в роли предвосхищения. Этот акцент на управлении гарантирует, что процессы технологического развития не просто повторяют или усиливают текущие умозрительно-метафизические (спекулятивные) пути (тропы и фантазии), но в случае внедрения сельскохозяйственных технологий, и особенно в отношении автоматизации в сельском хозяйстве, существуют значительные культурные медиа, описывающие возможные фейки футуристических ферм. В результате предвосхищающие диспуты и дискуссии,

находящиеся под влиянием этих господствующих в массовом воображении образов, рискуют дискурсивно закрепить конкретное, единственное будущее и его предполагаемую неизбежность [46].

Фермерское движение к роботизированному будущему на примерах яблочной и ягодной индустрий предполагает построение прагматичного его видения, прогнозирование будущих сценариев, внедрение новых технологий фермерами и промышленностью. С точки зрения институциональной социологии, которая отвечает на вопросы ответственности при принятии сообществами технологий, разрабатываемых в рамках проекта будущего фермерства, анализ позволил также выявить ментальность тех западных фермеров, чье предполагаемое негативное влияние в формах «саботажа» робототехники в сельском хозяйстве в итоге всё равно не должно помешать активно участвовать в процессах совместного проектирования в противовес прогрессивно мыслящим фермерам, другой ментальности и другого «когнитивного стиля» повседневной рабочей жизни. В частности, были найдены фермеры с технократическими и изолированными тенденциями, склонные рассматривать технологическую эволюцию в конструктивном ключе — как неизбежный переход, который нельзя будет предотвратить вмешательством человека. В результате эти фермеры, как правило, считали, что им нужно либо присоединиться к заранее определенной базе инноваций, либо остаться как бы в стороне, в зависимости от того, насколько конкретный прогноз рассогласовывался или противоречил их паттернам, их работе и их институциональной сборке. Признание этих тенденций как зарождающихся внутри конкретных объединений фермеров предоставило дополнительную возможность обсудить различные возможности внедрения робототехники с инженерами и учеными-компьютерщиками, разрабатывающими новые технологии. Обсуждение подобных различий и ограничений в институциональных сборках может помочь прогрессивно мыслящим фермерам и членам их команд в создании технологий, которые могут лучше удовлетворить потребности самых разных фермеров.

Если говорить о России, то представленный теоретический конструкт будущего фермерства, воплощаемый в конкретных институциональных сборках, весьма перспективен для внедрения как инновационных, так и институциональных перспектив развития сельских территорий. Конечно, если говорить о сравнительных выводах по фермерам — «у них» и «у нас», — то сначала об этом можно только мечтать, но рано или поздно новые технологии так или иначе воплощаются в нашей жизни.

Выводы

1. Целью этой статьи было изучение конструирующей природы институтов в пространстве сельских территорий в контексте социальных противоречий, часто принимающих парадоксальные форматы. Парадоксы и курьезы состоят в том, что, с одной стороны, кардинальные институциональные изменения в сельском хозяйстве России в 2001-2021 гг. содержат спорное понимание социальной справедливости происходящих изменений, отраженное в фактах

повседневной жизни в мире повседневности как «мира труда» сельских тружеников и очевидно противоречащих данных официальной статистики, так и в сравнительном анализе западного и российского фермерства. Так, парадоксы и курьезы были выявлены в процессах внедрения робототехники и систем «ответственных исследований и инновации» в рамках Европейской комиссии Европейского союза, предполагая, что эти проекты предусматривают участие общественности в любых технологических разработках, что утверждает на практике концепт институциональной социологии, представленный в статье.

2. С другой стороны, было показано, что во всём мире будет, вероятно, экспоненциально повышаться интерес к робототехнике и автоматизации в сельском хозяйстве в связи с распространением пандемии COVID-19, которая является новым вызовом в современную эпоху глобальной нестабильности.
3. Наконец, если расширить концепт глобальной нестабильности, включив в него не только распространение в мире «навсегда» пандемии COVID-19, но и в качестве учета второй составной части «специальной военной операции в Украине» после 24 февраля 2022 г., то парадокс, связанный с трагичностью очевидного будущего сельского хозяйства в России, сопряжен с тем, что реальным ее результатом будет эволюционный кризис цивилизации на примере России, который описали Аркадий и Борис Стругацкие в своей теории «сворачивающейся цивилизации» (смысл которой состоит в том, что цивилизация остается беззащитной перед «Повелителями Дураков»).
4. Парадокс «сворачивающейся цивилизации» применительно к сельскому хозяйству состоит в том, что в качестве результатов «специальной военной операции» и введения крайне жестких санкций безвозвратно теряются активы и резервы, обрываются и обрушиваются связи, останавливаются предприятия и фирмы, происходит массовый исход иностранного бизнеса из России. Всё это будет означать, что племенного скота и семенного фонда у российских фермеров и агрохолдингов больше не будет, точечные удобрения вносить не смогут; современных технологий, требующих импортного оборудования, комплектующих и запасных деталей, не будет; не будет ни кооперации, ни капиталов для ведения продуктивной сельскохозяйственной деятельности. Если Россия продавала пшеницу за счет рыночных отношений, то она скоро начнет закупать хлеб, как это делал СССР, когда была урожайность в стране 13 центнеров с гектара. Сейчас урожайность в РФ 30 ц/га, при условии наличия удобрений, технологий, импортных комплектующих. Для сравнения: урожайность пшеницы в 2019 г. в Ирландии — 99 ц/га, Новой Зеландии — 91 ц/га, Бельгии и Нидерландах — 89 ц/га, ФРГ — 80 ц/га, Франции — 76 ц/га, Дании и Великобритании — 74 ц/га [38].
5. Парадокс «сворачивающейся цивилизации» применительно к сельскому хозяйству будет означать резкое снижение базового снабжения продуктами питания населения, а государству нужно будет к этому приспособливаться. Парадоксальная редукция этого процесса состоит в том, что Россия 2020-х гг.

будет постепенно, шаг за шагом откатываться к 1980-1990-м гг., то есть жизнедеятельность сельских территорий будет обращаться вспять.

6. С точки зрения эпистемологии, исследование фермерства как такового вывело нас на наличие нескольких парадоксов, которые можно обозначить как «парадоксальное знание» как таковое в системе отношений «объект — знание», а именно: «парадоксы ситуаций», «парадокс интерденденции», «парадокс экзотации», «парадокс непредсказуемости», «парадокс синтеза», «парадокс данных», «парадокс методов», «парадокс будущего».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианова Е. В. О соотношении дефиниций социологии сельских территорий, социального пространства и социальной географии: общее и различное. Часть 1 / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Ю. В. Ушакова // Социальное пространство. 2021. Том 7. № 1. С. 1-18. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28856>
2. Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России. Единство Уверенность Успех: оф. сайт. URL: <https://www.akko.ru/>
3. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок; пер. Е. М. Лысенко; прим. и ст. А. Я. Гуревича; [АН СССР]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
4. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен; пер. с англ.; вступит. ст. С. Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
5. Воронина Я. В. Организационно-экономические предпосылки возникновения отечественных крестьянских (фермерских) хозяйств, их социально-экономическая сущность / Я. В. Воронина // Аграрный вестник Урала. 2018. № 10 (177). С. 64-70.
6. Головина С. Г. Проблемы развития фермерства в сложившихся условиях среды / С. Г. Головина, Е. Е. Лоретц, И. Н. Миколайчик, Л. Н. Смирнова // Аграрный вестник Урала. 2019. № 8 (187). С. 65-74. DOI: 10.32417/article_5d908ea8bc65f4.10403668
7. Государственные (национальные) доклады о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2005-2200 гг. // Росреестр. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии: оф. сайт. URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/>
8. Гудков Л. Д. Парадоксы изучения социальной структуры в России / Л. Д. Гудков // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2/2. С. 207-224. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-207-224
9. Гудков Л. Д. Парадоксы социальной структуры в России / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. 2016. № 1-2 (122). Январь-июнь. С. 95-125.
10. Давыденко В. А. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 3 (23). С. 79-129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129

11. Жукова Т. А. Земля и люди. Дневник фермера: документальный очерк / Т. А. Жукова. Краснодар: КубГАУ, 2020. 188 с.
12. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская; Московская шк. соц. и экон. наук. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации, 2003. 566 с.
13. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. М.: Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, Интерцентр, 2007. 398 с.
14. Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов / З. И. Калугина. М.: Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2001. 196 с.
15. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина. Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 467 с.
16. Кирдина-Чэндлер С. Г. Радикальный институционализм и фейковая экономика в XXI веке / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Журнал институциональных исследований. 2017. Том 9. № 4. С. 6-15.
17. Кирдина-Чэндлер С. Г. Парадоксы синтеза в экономической теории / С. Г. Кирдина-Чэндлер // Terra Economicus. 2021. № 19 (3). С. 37-52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52
18. Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма / Дж. Р. Коммонс; пер. с англ. А. Апполонова, А. Маркова; под ред. М. Одинцовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2011. 416 с. URL: https://id.hse.ru/data/2015/11/19/1250658652/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81_site.pdf
19. Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России на 2021 год // Доклады консалтинговой компании BEFL. URL: https://agrogard.ru/content/file/krupneishie_vladelci_selskohozyaistvennoy_zemli_v_Rossii_na_2021_god.pdf
20. Латов Ю. В. Новое общество — новый ресурс — новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) / Ю. В. Латов, Н. Е. Тихонова // Terra Economicus. 2007. № 19 (2). С. 6-27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27
21. Максимова Т. П. Крестьянские (фермерские) хозяйства: институциональный аспект / Т. П. Максимова // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 15 (август). С. 2277-2288. DOI: 10.18334/tr.18.15.38167
22. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1956. Том 42. С. 41-174.
23. Митчелль У. К. Экономические циклы: проблема и ее постановка / У. К. Митчелль; пер. с англ. Е. Д. Кондратьевой, О. Е. Пряхиной и В. Э. Шпринка; вступит. ст. А. Г. Герценштейна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. Том LXXX. 504 с.
24. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт; пер. с англ. М.: Дело, 2003. 360 с.
25. Нельсон Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Р. Нельсон, С. Дж. Уинтер. М.: Дело, 2002. 536 с.
26. Нефёдова Т. Г. Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность / Т. Г. Нефёдова // Мир России. 2013. № 1. С. 29-61.

27. Никулин А. М. Кубанский колхоз — в холдинг или асьенду? / А. М. Никулин // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 41-50.
28. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Том III / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. 692 с.
29. Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. К. Норт. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
30. Норт Д. К. Понимание процесса экономических изменений / Д. К. Норт; пер. с англ.: К. К. Мартынов, Н. В. Эдельман; науч. ред. А. В. Смирнов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 256 с.
31. Норт Д. К. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. К. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгафт. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
32. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 (ред. от 21.03.2002) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11050/
33. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/
34. Парсонс Т. Социальная система / Т. Парсонс; пер. с англ. М.: Академический Проект, 2018. 530 с.
35. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / В. В. Радаев. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 42 с.
36. Радаев В. В. Экономическая социология / В. В. Радаев. 2-е изд. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. 603 с.
37. Ситковский А. Л. Парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения / А. Л. Ситковский, Ю. В. Латов // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 49-56. DOI: 10.31857/S013216250010880-1
38. Страны-лидеры в мире по производству и экспорту пшеницы // Тюлягин. Об экономике, инвестициях, технологиях и будущем. URL: <https://tyulyagin.ru/ratings/strany-lidery-v-mire-po-proizvodstvu-i-eksportu-pshenicy.html>
39. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография / Ж. Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 543 с.
40. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. Уильямсон; пер. с англ. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.
41. Федеральная служба государственной статистики: Росстат. Оперативные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_SXMP_2021.pdf (дата обращения: 11.02.2022).
42. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 839 с.
43. Эфендиев А. Г. Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сел в Белгородской области / А. Г. Эфендиев, Е. С. Балабанова, П. С. Сорокин // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 62-68.
44. Calus M. Factors Explaining Farm Succession and Transfer in Flanders / M. Calus; Department of Agricultural Economics. Ghent: Ghent University, 2009. 229 pp.

45. Calus M. Persistence of family farming, learning from its dynamics / M. Calus, L. Lauwers // 111 EAAE-IAAE Seminar 'Small Farms: Decline or Persistence'. University of Kent, Canterbury, UK. 26th-27th June 2009. Pp. 1-15.
46. Europe 2020 A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth; COMMUNICATION FROM THE COMMISSION / European Commission. 5 March 2010. Brussels, 3.3.2010. COM (2010) 2020 final. URL: <https://www.buildup.eu/en/practices/publications/europe-2020-strategy-smart-sustainable-and-inclusive-growth-communication>
47. Fairbairn M. Agri-food Tech Discovers Silver Linings in the Pandemic / M. Fairbairn, J. Guthman // Agriculture and Human Values. Rapid Response Opinion. 2020. Vol. 37. No. 3. Pp. 587-588.
48. Giddens A. The Constitution of Society Outline of the Theory of Structuration / A. Giddens. Oxford: Polity Press; Cambridge, in association with Basil Blackwell, 1984. XXXVII. 403 pp.
49. Hall P. A. Political science and the three new institutionalisms / P. A. Hall, R. C. R. Taylor // Political Studies. 1996. No. 44 (December). Pp. 936-957.
50. Legun K. Robot-ready: how apple producers are assembling in anticipation of new Artificial Intelligence robotics / K. Legun, K. Burch // Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 82. Pp. 380-390. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.01.032
51. March J. G. Democratic Governance / J. G. March, J. P. Olsen. New York: Free Press, 1995. 256 pp.
52. March J. G. Elaborating the New Institutionalism / J. G. March, J. P. Olsen // The Oxford Handbook of Political Institutions // S. A. Binder, R. A. W. Rhodes, B. A. Rockman (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 3-23.
53. March J. G. Z wprowadzeniem Jessop Bob / J. G. March, J. P. Olsen // Logika stosowności Zarządzanie Publiczne. 2014. No. 28 (2). Pp. 84-105. DOI: 10.7366/1898352922806
54. Merton R. K. Social Theory and Social Structure / R. K. Merton. New York: The Free Press, 1968. 702 pp.
55. Ryan R. M. Self-Determination Theory Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness / R. M. Ryan, E. L. Deci. New York: The Guilford Press, 2017. Pp. 756-769.
56. Seabrook J. Can a machine learn to write for The New Yorker? / J. Seabrook // The New Yorker. 2019. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/10/14/can-a-machine-learn-to-write-for-the-new-yorker>
57. Seabrook J. The age of robot farmers / J. Seabrook // The New Yorker. 2020. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2019/04/15/the-age-of-robot-farmers>
58. Scott W. R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests and Identities / W. R. Scott. 4th edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2013. Pp. 345-360.
59. Spash C. L. Facing the truth or living a lie: Conformity, radicalism and activism / C. L. Spash // Environmental Values. 2018. No. 27 (3). Pp. 215-222.
60. Vatn A. Critical institutional economics / A. Vatn // Routledge Handbook of Ecological Economics: Nature and Society / C. L. Spash (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. Pp. 29-39.

Elena V. ANDRIANOVA¹

Vladimir A. DAVYDENKO²

Yuliya KHUDYAKOVA³

UDC 336.2

PARADOXES OF MODERN INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF PEASANT (FARMER) FARMS*

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Head of Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen)
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Head of the Research Center,
University of Tyumen
v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

³ Master Student,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
y.khudyakova@utmn.ru

Abstract

The work is devoted to the study of the constructive nature of institutions in the space of rural territories in the context of social contradictions, often taking paradoxical formats. Methodologically, the article is written in the traditions of modern critical institutional

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project no. 20-011-00087 “Institutional Factors and Forms of Rural Development”.

Citation: Andrianova E. V., Davydenko V. A., Khudyakova Yu. 2022. “Paradoxes of modern institutional development of peasant (farmer) farms”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 51-101.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

economics and institutional sociology. The authors' results of the analysis of statistical data from open sources within the framework of the proposed issues over the past 20 years are presented. Three main historical stages of institutional dynamics in agriculture are characterized, the main of which included the introduction and institutionalization of private ownership of land, effectively returning Russia to the number of global players in the agricultural market.

The article presents data on the modernization of agriculture resulting from institutional changes "from above" and institutional mutual obligations in rural areas "from below". The conclusion is made about the increase in land assets and the growth of the total income of landowners. Quantitative indicators of the development of small- and medium-sized peasant (farmer) farms and large landholdings in Russia (agricultural holdings) according to various reporting data are presented. The socio-economic contradictions are revealed that point to the paradoxical development of rural areas of Russia. The foreign experience of managing modern rural business is presented, which can be considered as options for a possible future of Russia. The authors come to the conclusions that the Russian institutional dynamics in rural areas demonstrates several positive changes that have created the basis for the existence and further development of the country in a short period by historical standards. The article puts forward five hypotheses regarding the institutional development of rural areas, some of which are practically verified. It is proved that at present in Russia the risks and dangers of quantitative and qualitative food shortages have really been overcome, and that sufficiently powerful socio-class groups of landowners have been formed who are fundamentally interested in the qualitative reproduction of rural areas, despite the deepening processes of poverty, which marks the paradoxical institutional dynamics. However, there are indications that application of the concept of global instability (including determinants of COVID-19 pandemic and "special military operation in Ukraine" after 24 February 2022) marks the existence of a new paradox related to the tragedy of agriculture's future in Russia. It may realistically result in evolutionary crisis of the civilization if we take into account the paradigm of a "folding civilization" introduced by Arkady and Boris Strugatsky, which means that the civilization under study is left defenseless against "Masters of Fools".

Keywords

Peasant (farmer) farms, agricultural holdings, paradoxes of development, paradoxes of peasant life, state support, institutional development.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-51-101

REFERENCES

1. Andrianova E. V., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. 2021. "On the relationship between definitions of sociology of rural areas, social space and social geography: similarities and differences. Part 1". *Social Area*, vol. 7, no. 1, pp. 1-18. DOI: 10.15838/sa.2021.1.28.2. <http://socialarea-journal.ru/article/28856> [In Russian]

2. Official website of the Association of Peasant Farms and Agricultural Cooperatives of Russia (AKKOR). Unity. Confidence. Success. <https://www.akkor.ru/>
3. Bloch M. 1986. Apology for history or the historian's craft. Translated by E. M. Lysenko, note and article by A. Ya. Gurevich. 2nd Edition. Moscow: Nauka, USSR Academy of Sciences. 254 pp. [In Russian]
4. Veblen T. B. 1984. Theory of the leisure class. Translated from English, introductory article by S. G. Sorokina. Moscow: Progress. 367 pp. [In Russian]
5. Voronina Ya. V. 2018. "Organizational-economic preconditions of domestic peasant (farmer) farms, their socio-economic essence". Agrarian Bulletin of the Urals, no. 10 (177), pp. 64-70. [In Russian]
6. Golovina S. G., Loretts E. E., Mikolaychik I. N., Smirnova L. N. 2019. "Problems of farming development in the current environment". Agrarian Bulletin of the Urals, no. 8 (187), pp. 65-74. DOI: 10.32417/article_5d908ea8bc65f4.10403668 [In Russian]
7. Rosreestr. The Federal Service for State Registrations, Cadastre and Cartography. State (national) reports on the state and use of land in the Russian Federation in 2005-2200. <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> [In Russian]
8. Gudkov L. D. 2016. "Paradoxes of Russian social structure studies". Historical and Social-Educational Idea, volume 8, no. 2/2, pp. 207-224. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/2-207-224 [In Russian]
9. Gudkov L. D. 2016. "Paradoxes of Russia's social structure". The Russian Public Opinion Herald, no. 1-2 (122), January-June, pp. 95-125. [In Russian]
10. Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V. 2020. "Contemporary world contexts of rural sociology in the Russian rural life realities". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 3 (23), pp. 79-129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129 [In Russian]
11. Zhukova T. A. 2020. Earth and people. Diary of a farmer: a documentary essay. Krasnodar: Kuban SAU. 188 pp. [In Russian]
12. Zaslavskaya T. I. 2003. Societal transformation of Russian society. Action-structural concept. 2nd Edition, revised. Moscow: Delo: Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation; Moscow School of Social and Economic Sciences. 566 pp. [In Russian]
13. Zaslavskaya T. I. 2007. Modern Russian society: the social mechanism of transformation. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences, Intertsender. 398 pp. [In Russian]
14. Kalugina Z. I. 2001. Paradoxes of agrarian reform in Russia. Sociological analysis of transformation processes. Moscow: Publishing house of IEIE SB RAS. 196 pp. [In Russian]
15. Kirdina S. G. 2014. Institutional matrices and development of Russia. Introduction to X-Y-theory. 3rd Edition, revised and illustrated. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 467 pp. [In Russian]
16. Kirdina-Chandler S. G. 2017. "Radical institutional economics and fakery for the 21st century". Journal of Institutional Studies, vol. 9, no. 4, pp. 6-15. [In Russian]
17. Kirdina-Chandler S. G. 2021. "Paradoxes of synthesis in economics". Terra Economicus, no. 19 (3), pp. 37-52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-3-37-52 [In Russian]

18. Commons J. R. 2011. Legal foundations of capitalism. Translated from English by A. Appolonov, A. Markov, edited by M. Odintsova. Moscow: Publishing house of HSE, Higher School of Economics. 416 pp. https://id.hse.ru/data/2015/11/19/1250658652/%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81_site.pdf [In Russian]
19. Reports of the audit, corporate finance and consultancy company BEFL. 2021. The largest landowners in Russia in 2021. https://agrogard.ru/content/file/krupneishie_vladelci_selskohozyaistvennoy_zemli_v_Rossii_na_2021_god.pdf [In Russian]
20. Latov Yu. V., Tikhonova N. E. 2007. “A new society, a new resource, a new social class? (60th anniversary of the human capital theory)”. *Terra Economicus*, no. 19 (2), pp. 6-27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27 [In Russian]
21. Maximova T. P. 2017. “Peasant farms: institutional aspect”. *Russian Journal of Entrepreneurship*, vol. 18, no. 15(August), pp. 2277-2288. DOI: 10.18334/rp.18.15.38167 [In Russian]
22. Marx K., Engels F. 1956. Economic and philosophic manuscripts of 1844. Vol. 42. Moscow: Politizdat. Pp. 41-174. [In Russian]
23. Mitchell W. C. 1930. Business cycles: The problem and its setting. Translated from English by E. D. Kondratieva, O. E. Pryakhina and V. E. Shprink, introduction by A. G. Herzenstein. Vol. LXXX. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo. 504 pp. [In Russian]
24. Knight F. H. 2003. Risk, uncertainty and profit. Translated from English. Moscow: Delo. 360 pp. [In Russian]
25. Nelson R. R., Winter S. J., 2002. An evolutionary theory of economic change. Moscow: Delo. 536 pp. [In Russian]
26. Nefedova T. G. 2013. “The transformation of agriculture in Russia: myths and realities”. *Universe of Russia*, no. 1, pp. 29-61. [In Russian]
27. Nikulin A. M. 2002. “Kuban collective farm — to holding or hacienda?”. *Sociological Studies*, no. 1, pp. 41-50. [In Russian]
28. Stepin V. S., Guseynov A. A., Semigin G. Yu., Ogurtsov A. P. (eds.). 2010. New philosophical encyclopedia in 4 vols. Volume 3. Moscow: Mysl, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Scientific Foundation. 692 pp. [In Russian]
29. North D. C. 1997. Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi “Nachala”. 180 pp. [In Russian]
30. North D. C. 2010. Understanding the process of economic change. Translated from English by K. K. Martynov, N. V. Edelman, edited by A. V. Smirnov. Moscow: Publishing house of the HSE. 256 pp. [In Russian]
31. North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. 2011. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow: Gaidar Institute Press, 480 pp. [In Russian]
32. ConsultantPlus legal reference system. On peasant farm: Law of the RSFSR of 22 November 1990 No. 348-1 (ed. of 21 March 2002). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11050/ [In Russian]
33. ConsultantPlus legal reference system. On peasant farm: Federal Law of 11 June 2003 No. 74-FZ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42662/
34. Parsons T. 2018. Social system. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt. 530 pp. [In Russian]

35. Radaev V. V. 2001. A new institutional approach and the deinstitutionalization of rules in the Russian economy. Moscow: Higher School of Economics. 42 pp. [In Russian]
36. Radaev V. V. 2008. Economic sociology. 2nd Edition. Moscow: Publishing house of the HSE. 603 pp. [In Russian]
37. Sitkovsky A. L., Latov Yu. V. 2021. "Paradoxes of the Russian police assessment in the public opinion polls". Sociological Studies, no. 2, pp. 49-56. DOI: 10.31857/S013216250010880-1 [In Russian]
38. Tyulagin. On Economy, Investments, Technologies and Future. 2020. "The world's leading countries in wheat production and export". <https://tyulyagin.ru/ratings/strany-lidery-v-mire-po-proizvodstvu-i-eksportu-pshenicy.html> [In Russian]
39. Toshchenko Zh. T. 2012. Paradoxical man: monograph. 2nd Edition, revised. Moscow: UNITY-DANA. 543 pp. [In Russian]
40. Williamson O. 1996. The economic institutions of capitalism: Firms, markets, relational contracting. Translated from English. Saint Petersburg: Lenizdat: CEV Press. 702 pp. [In Russian]
41. Federal State Statistics Service: Rosstat. Operational results of agricultural micro-recording in 2021. Accessed 11 February 2022. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_SXMP_2021.pdf [In Russian]
42. Ilyichev L. F. et al (eds.). 1983. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow: Sov. Encyclopedia. 839 pp. [In Russian]
43. Efendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. 2016. "Social institutions: an analysis of social changes in villages of Belgorod oblast". Sociological Studies, no. 12, pp. 62-68. [In Russian]
44. Calus M. 2009. Factors Explaining Farm Succession and Transfer in Flanders. Ghent: Ghent University, Department of Agricultural Economics. 229 pp.
45. Calus M., Lauwers L. 2009. "Persistence of family farming, learning from its dynamics". 111 EAAE-IAAE Seminar "Small Farms: decline or persistence" (26th-27th June 2009, University of Kent, Canterbury, UK). Pp. 1-15.
46. European Commission. 2010. 5 March. Brussels, 3.3.2010. COM (2010) 2020 final. Europe 2020 A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth; Communication from the Commission. <https://www.buildup.eu/en/practices/publications/europe-2020-strategy-smart-sustainable-and-inclusive-growth-communication>
47. Fairbairn M., Guthman J. 2020. "Agri-food tech discovers silver linings in the pandemic". Agriculture and Human Values. Rapid Response Opinion, vol. 37 (3), no. 3, pp. 587-588.
48. Giddens A. 1984. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Oxford: Polity Press; Cambridge, in association with Basil Blackwell. XXXVII. 403 pp.
49. Hall P. A., Taylor R. C. R. 1996. "Political science and the three new institutionalisms". Political Studies, no. 44 (December), pp. 936-957.
50. Legun K., Burch K. 2021. "Robot-ready: How apple producers are assembling in anticipation of new Artificial Intelligence robotics". Journal of Rural Studies, vol. 82, pp. 380-390. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.01.032
51. March J. G., Olsen J. P. 1995. Democratic Governance. New York: Free Press. 256 pp.
52. March J. G., Olsen J. P. 2009. "Elaborating the new institutionalism". In: Binder S. A., Rhodes R. A. W., Rockman B. A. (eds.). 2009. The Oxford Handbook of Political Institutions, pp. 3-23. Oxford: Oxford University Press.

53. March J. G., Olsen J. P. 2014 "Z wprowadzeniem Jessop Bob". *Logika stosowności Zarządzanie Publiczne*, no. 28 (2), pp. 84-105. DOI: 10.7366/1898352922806 [In Polish]
54. Merton R. K. 1968. *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press. 702 pp.
55. Ryan R. M., Deci E. L. 2017. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York: The Guilford Press. pp. 756-769.
56. Seabrook J. 2019. "Can a machine learn to write for The New Yorker?". *The New Yorker*. <https://www.newyorker.com/magazine/2019/10/14/can-a-machine-learn-to-write-for-the-new-yorker>
57. Seabrook J. 2020. "The age of robot farmers". *The New Yorker*. <https://www.newyorker.com/magazine/2019/04/15/the-age-of-robot-farmers>
58. Scott W. R. 2014. *Institutions and Organizations: Ideas, Interests and Identities*. 4th Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc. Pp. 345-360.
59. Spash, C. L. 2018. "Facing the truth or living a lie: Conformity, radicalism and activism". *Environmental Values*, no. 27 (3), pp. 215-222.
60. Vatn A. 2018. "Critical institutional economics". In: Spash C. L. (ed.). 2018. *Routledge Handbook of Ecological Economics: Nature and Society*, pp. 29-39. Abingdon-on-Thames: Routledge.